

По делу «Кононов против Латвии»

Европейский Суд по правам человека¹ (Третья Секция), заседавшая в составе:

Боштяна М. Зупанчица, *Председателя Палаты Суда,*

Корнелиу Бирсана, Елизабет Фура-Сандстрём, Альвины Гюлумян, Эгберта Мийера, Дэвида Тор Бьоргвинссона, Инеты Зиемеле, *судей,* а также при участии Сантьяго Кесады, *Секретаря Секции Суда,*

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 19 июня 2008 г.,

вынес в этот день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 36376/04) против Латвийской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² гражданином Российской Федерации, г-ном Василием Макаровичем Кононовым (*далее — заявитель*) 27 августа 2004 г.

2. В Европейском Суде интересы заявителя представлял г-н М. Иоффе — адвокат, практикующий в г. Риге. Интересы властей Латвии (*далее — государство-ответчик*) в Суде представляла г-жа И. Рейне, Представитель Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека. Российская Федерация — в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Конвенции — воспользовалась своим правом вступить в производство по делу в качестве третьей стороны и была представлена г-жой В. Милинчук, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В своем обращении в Европейский Суд заявитель утверждал, в частности, что вынесение ему обвинительного приговора за то, что, приняв участие в карательной военной экспедиции во

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ (В ПРЕЖНЕМ СОСТАВЕ)

ДЕЛО «КОНОНОВ ПРОТИВ ЛАТВИИ» [KONONOV V. LATVIA]

(жалоба № 36376/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

24 июля 2008 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

время Второй мировой войны, он якобы совершил «военные преступления», нарушило требования статьи 7 Конвенции.

4. Заседание по делу было проведено публично во Дворце прав человека в г. Страсбурге 20 сентября 2007 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) *от властей Латвии:*
г-жа И. Рейне, *Представитель Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека,*
г-н Е. Плаксин, *адвокат;*

(б) *от заявителя:*
г-н М. Иоффе, *адвокат,*
г-жа М. Захарина,
г-н И. Ларин, *советники;*

(с) *от властей Российской Федерации:*

г-жа В. Милинчук, *Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,*

г-н А. Ковалёв, *профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации,*

г-жа М. Молодцова, *второй секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при Совете Европы.*

Европейский Суд заслушал выступления г-жи И. Рейне, г-на М. Иоффе и г-жи В. Милинчук.

5. По результатам слушания по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу и по существу дела Европейский Суд своим решением от 20 сентября 2007 г. объявил жалобу заявителя частично приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу (пункт 3 правила 54 Регламента Суда).

6. 1 февраля 2008 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Тем не ме-

От редакции. По делу престарелый заявитель, бывший партизан, сражавшийся во время Великой Отечественной войны против немецко-фашистских оккупантов на временно оккупированной вермахтом территории Латвийской ССР, жаловался в Европейский Суд на то, что осуждение его в конце 1990-х — начале 2000-х годов в уголовном порядке латвийскими судами за совершение «военных преступлений» в 1944 году нарушило требования статьи 7 Конвенции («Наказание исключительно на основании закона»). Заявитель был привлечен в Латвии к уголовной ответственности за то, что в 1944 году он принял участие в партизанской акции возмездия вооруженным фашистами их пособникам, которые незадолго до этого предательски выдали немецкой военной администрации группу партизан, товарищей заявителя по борьбе с оккупантами. После детального рассмотрения аргументов сторон, норм международного права, имеющих отношение к ведению войны, и соответствующего законодательства Европейский Суд установил, что заявитель не мог тогда в условиях борьбы с оккупантами и их пособниками с достаточными основаниями предвидеть, что его действия являлись «военным преступлением» по действовавшим в то время правилам ведения боевых действий. Следовательно, указал Суд, не было веских международно-правовых оснований признавать его виновным в совершении такого преступления. Даже если предположить, отметил Суд, что заявитель совершил одно или несколько преступлений по общим нормам права, предусмотренным национальным законодательством, сроки давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение давно истекли, и поэтому латвийское законодательство также не могло служить основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора. Европейский Суд постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции (постановление Палаты Суда было принято четырьмя голосами судей «за» и тремя голосами «против»). Суд присудил заявителю компенсацию за причиненный ему моральный вред.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Далее — Конвенция (*примечание редакции*).

нее жалоба по настоящему делу осталась в производстве Третьей Секции Суда в прежнем составе.

7. Как заявитель, так и государство-ответчик в письменной форме представили в Европейский Суд дополнительные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). В дополнение к этому, замечания по делу были получены от властей Российской Федерации (пункт 1 статьи 36 Конвенции и подпункт «b» пункта 1 правила 44 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1923 году в поселке Мердзене Лудзенского района (Латвия). Он являлся гражданином Латвии до 12 апреля 2000 г., когда специальным указом Президента Российской Федерации В. Путина ему было предоставлено российское гражданство.

A. События, произошедшие до 27 мая 1944 г.

9. 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз, в состав которого входила территория Латвии. Молниеносное наступление вермахта заставило Красную Армию покинуть Прибалтику и отступить в сторону России. Заявитель, который в то время проживал недалеко от границы, последовал за частями Красной Армии. К 5 июля 1941 г. вся территория Латвии была захвачена вермахтом. Три прибалтийских государства и часть Белоруссии были объединены в одну огромную территорию, управление которой осуществлялось Рейхскомиссариатом Остланд [*Reichskommissariat Ostland*], получавшим приказы непосредственно из Берлина.

10. По прибытии в Россию заявитель сначала нашел работу в колхозе. Затем он работал токарем на заводе, выпускавшем военную технику. В 1942 году он был призван в ряды Советской Армии в качестве рядового и приписан к запасному полку Латышской дивизии¹. С 1942 по 1943 год он проходил специальную подготовку в области проведения подрывных (диверсионных) операций, в ходе которой он научился организовывать и возглавлять вылазки вооруженных диверсионных подразделений в тыл противника. По окончании подготовки ему сразу же было присвоено звание сержанта. Вскоре после этого, ночью 23 июня 1943 г., он и еще около двадцати бойцов десантировались на парашютах на территории Белоруссии, которая в то время была оккупирована Германией, недалеко от латвийской границы, то есть в тех местах, где родился заявитель.

11. После приземления заявитель вошел в состав советской диверсионной группы (состоящей из «красных партизан»²), которая называлась «Вилис Лайвиньш» [*Vilis Laiviņš*] по имени ее командира. В марте 1944 г. по инициативе двух своих непосредственных командиров он был назначен командиром группы. По словам заявителя, их главными задачами было выводить из строя военные объекты, линии связи и пункты снабжения немцев, пускать под откос поезда и вести политическую пропаганду среди местного населения. Заявитель утверждает, что он пустил под откос 16 военных поездов и подорвал 42 немецких военных объекта.

B. События, произошедшие 27 мая 1944 г.

12. 27 мая 1944 г. «красные партизаны» совершили нападение на деревню Малые Баты (поселок Мердзене Лудзенского района), которая в то время находилась примерно в 80 километрах от линии фронта.

1. *Обстоятельства нападения, установленные латвийскими судами и признанные государством-ответчиком*

13. События, произошедшие 27 мая 1944 г., по версии прокуратуры и латвийских судов, признанной государством-ответчиком, могут быть изложены следующим образом.

14. В феврале 1944 г. немецкая армия обнаружила и уничтожила отряд «красных партизан» под командованием майора Чугунова, который скрывался в сарае в деревне Малые Баты. Заявитель и его группа сразу же заподозрили местных жителей в том, что они были немецкими соглядатаями и выдали бойцов Чугунова неприятелю. Было принято решение провести акцию возмездия в отношении жителей деревни Малые Баты.

15. Тем временем, постоянно опасаясь нападения «красных партизан», мужское население деревни Малые Баты — которое ранее не носило оружия — обратилось за помощью к немецкой военной администрации, и та в конце концов выделила каждому мужчине по винтовке и по две гранаты «для самообороны».

16. 27 мая 1944 г. заявитель и его группа с оружием в руках вошли в деревню, в которой готовились отмечать Троицын день. Чтобы не возбуждать подозрений, они были одеты в форму солдат вермахта. Диверсионный отряд разделился на небольшие группы, каждая из которых, следуя указаниям заявителя, напала на дом. Несколько партизан ворвались в дом Модеста Крупника, забрали найденное там оружие и приказали хозяину выйти во двор. Когда Крупник попросил не убивать его на глазах у детей, партизаны приказали ему бежать по направлению к лесу, а потом открыли по нему огонь. Крупник, серьезно раненный, остался лежать на опушке леса и на следующее утро скончался от сильной потери крови. Уцелевшие жители деревни слышали его крики и стоны, но не решились прийти ему на помощь.

17. Еще две группы «красных партизан» ворвались в дома двух других жителей деревни, Мейкула Крупника и Амвросия Буля. Мейкула Крупника они нашли в ванне и жестоко избили. Партизаны перенесли оружие, обнаруженное в домах обоих жителей, в дом Мейкула Крупника. Они выпустили несколько автоматных очередей в Буля, Мейкула Крупника и его мать. Согласно первоначальным выводам прокуратуры и суда первой инстанции, Буля застрелил сам заявитель. Тем не менее по этому эпизоду заявитель впоследствии был оправдан (см. ниже, пункт 45 настоящего постановления). Мейкул Крупник и его мать были серьезно ранены. Затем партизаны облили дом и все хозяйственные постройки (в том числе сарай и свинарник) бензином и подожгли их. Жене Крупника, находившейся на девятом месяце беременности, удалось убежать, но партизаны поймали ее и выкинули из окна дома в пламя. На следующее утро уцелевшие жители деревни обнаружили обугленные останки четырех потерпевших. Труп жены Крупника опознали по сильно обгоревшему скелету ребенка, который лежал рядом с ней.

18. Четвертая группа партизан ворвалась в дом Владислава Шкирманта. Они нашли хозяина дома в постели вместе с годовалым сыном. После того как партизаны обнаружили спрятанные в шкафу винтовку и две гранаты, они приказали Шкирманту, который еще не успел одеться, выйти во двор. Затем они забаррикадировали дверь снаружи, чтобы его жена не последовала за ним, отвели его в дальний угол двора и застрелили.

19. Пятая группа ворвалась в дом Юлиана Шкирманта. После того как партизаны нашли и забрали винтовку и две гранаты, они вывели хозяина дома в сарай и там его казнили.

¹ Имеется в виду 201-я Латышская стрелковая дивизия, сформированная в августе—сентябре 1941 года (*примечание редакции*).

² «Красные партизаны» — члены антифашистского движения сопротивления, которые боролись методами партизанской войны с фашистской Германией и ее союзниками на оккупированных ими территориях в период Великой Отечественной войны (*примечание редакции*).

20. Наконец, шестая группа ворвалась в дом Бернарда Шкирманта и забрала оружие, которое они там обнаружили. Затем партизаны убили хозяина дома, ранили его жену и подожгли все хозяйственные постройки. Жена Бернарда Шкирманта сгорела заживо рядом с трупом своего мужа. Судя по первоначальным решениям властей Латвии, Шкирманта убил сам заявитель. Тем не менее впоследствии заявитель был оправдан по этому эпизоду (см. ниже, пункт 45 настоящего постановления).

21. Согласно первоначальным выводам латвийской прокуратуры, партизаны разграбили деревню, перед тем как уйти, и, кроме оружия, унесли с собой одежду и продукты. Так, перед тем как покинуть дом Шкирманта, они украли бочонок масла и рулон ткани. Эта подробность, тем не менее, не фигурирует ни в окончательном решении по существу дела, ни в окончательном решении суда второй инстанции. В обоих этих решениях упоминается лишь о том, что партизаны забрали оружие, найденное в домах жителей деревни.

2. Версия событий, представленная заявителем

22. Заявитель не согласен с тем, как произошедшее описано в решениях латвийских судов. По его мнению, все пострадавшие от нападения были коллаборационистами и предателями и именно они обманом выдали немцам отряд майора Чугунова в феврале 1944 г., а Мейкул Крупник и Бернард Шкирмант были шуцманами [*Schutzmänner*] — сотрудниками немецкой вспомогательной полиции. В феврале 1944 г. партизанский отряд под командованием Чугунова, в состав которого входили девять мужчин, две женщины и маленький ребенок, укрылись в сарае Крупника. Еще три женщины (мать и жена Крупника и жена Бернарда Шкирманта) принесли им продукты и заверили, что немцев поблизости нет. Тем не менее женщины сторожили партизан, пока Шкирмант послал Крупника предупредить немецкий гарнизон, который дислоцировался в соседней деревне. Ворвавшись в Малые Баты, немецкие солдаты расстреляли сарай из пулемета зажигательными пулями и подожгли его. Все бойцы отряда под командованием Чугунова, в том числе женщины и ребенок, пытавшиеся спастись, были убиты. После этого побоища мать Крупника сняла с трупов военную форму. Со своей стороны, немецкое командование наградило помогавших им жителей деревни дровами, сахаром, спиртным и деньгами.

23. Примерно через неделю после событий 27 мая 1944 г. заявитель и все бойцы его группы получили приказ явиться к своему командиру. Он сообщил им, что специально созданный военный трибунал, состоящий из бойцов подразделения, вынес приговор жителям деревни Малые Баты, предположительно имевшим отношение к выдаче бойцов отряда под командованием Чугунова немцам, и поручил выполнение приказа отряду заявителя. Точнее говоря, они должны были «доставить шестерых шуцманов из деревни Малые Баты, чтобы затем предать их суду». Заявитель отказался взять на себя командование операцией, так как жители деревни знали его с детства и он опасался за безопасность своих родителей, живших в соседней деревне. Командир пошел ему навстречу и поручил командование операцией другому партизану. Если говорить о последующих событиях, то приказы отдавал этот партизан, а не заявитель.

24. 27 мая 1944 г. заявитель пошел за бойцами своей группы, но не стал входить в деревню. Он спрятался за куст, откуда мог наблюдать за домом Модеста Крупника. Вскоре он услышал крики и звуки выстрелов и увидел клубы дыма.

Спустя четверть часа партизаны вернулись одни. Один из них был ранен в плечо; другой нес шесть ружей, десять гранат и большой запас патронов. Всё это оружие и боеприпасы были изъяты из домов жителей деревни. Подчиненные заявителя сказали ему, что они не смогли выполнить задание, так как жители деревни «бежали и отстреливались от них; к тому же пришли немцы». В Европейском Суде заявитель отрицает, что его товарищи разграбили Малые Баты. Когда партизаны вернулись на базу, командир их сильно отругал за то, что они не привели разыскиваемых лиц.

С. Материалы исторических архивов

25. В документах из Государственного исторического архива Латвии [*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*], которые представило государство-ответчик, содержатся следующие сведения о режиме оккупационной немецкой администрации в соответствующий период времени.

26. 24 июля 1941 г. рейхскомиссар [*Reichskommissar*] Остланда Хинрих Лозе опубликовал в газетах директиву, в которой приказывал всем гражданам сдать имеющееся у них оружие и боеприпасы властям в течение 24 часов. Директива была опубликована еще два раза — 1 октября 1941 г. и 12 августа 1942 г. Однако сотрудникам вспомогательной полиции Латвии носить оружие разрешалось.

27. Впоследствии, по мере приближения линии фронта к территории Латвии и увеличения количества «красных партизан» в приграничных районах, в правилах ношения оружия и владения им были допущены некоторые послабления. В письме от 22 октября 1998 г. в Генеральную прокуратуру Латвии директор Государственного исторического архива Латвии указал, что деревня Малые Баты в то время была подведомственна полицейскому участку № 2 Лудзенского района. Поскольку документы этого полицейского участка были утрачены или уничтожены, не нашлось никаких документальных свидетельств, точно объясняющих, почему немцы решили вооружить жителей деревни Малые Баты. Тем не менее в архивах сохранился письменный приказ местного начальника вспомогательной полиции Латвии дежурному офицеру полицейского участка № 1 этого же района относительно деревни Чеверова (находящейся на расстоянии около 20 километров от деревни Малые Баты). В этом документе, датированном 25 февраля 1944 г., сказано следующее:

«Для защиты населения от нападений мародерствующих бандитов приказываю сформировать в деревне Чеверова Циблинского района оборонительный отряд из десяти — пятнадцати надежных местных жителей. Отобранные в отряд люди получают винтовки и необходимое количество боеприпасов. Местный айзсарг¹ [член военизированной организации] возьмет на себя командование оборонительным отрядом. Отобранные в отряд люди должны будут собираться каждую ночь, чтобы стоять на посту и вести наблюдение.

К 28 февраля доложить мне о выполнении [этого приказа]».

28. Далее, в письме от 27 апреля 1944 г. этот же командир дал старостам трех деревень (в том числе и деревни Цибла) указание выбрать доверенное лицо из числа жителей каждой деревни, которое должно будет наблюдать за посторонними или подозрительными лицами и в случае необходимости информировать старосту или полицию об их поведении. В письме указывалось, что цель этих мер — приостано-

¹ Айзсарги (латыш. *Aizsargi* «защитники», «охранники») — латвийская крайне националистическая военизированная организация. Сотрудничала с немецкими фашистами до и во время оккупации ими Латвии (*примечание редакции*).

ять действиям «бандитов» (под которыми подразумевались «красные партизаны»).

Д. Последующие события

29. В июле 1944 г. в Латвию вошла Красная Армия. 13 октября 1944 г. она предприняла осаду г. Риги и захватила город. 8 мая 1945 г. капитулировали последние немецкие дивизии, и вся территория Латвии перешла под контроль Красной Армии.

30. По окончании войны заявитель остался в Латвии. За боевые заслуги он был награжден орденом Ленина — высшей государственной наградой СССР. В ноябре 1946 г. он вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, а в 1957 году окончил Академию Министерства внутренних дел СССР. После этого он служил офицером в различных подразделениях советской милиции вплоть до своего выхода на пенсию в 1988 году.

31. 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской Советской Социалистической Республики принял Декларацию о восстановлении независимости, которая объявила включение Латвии в состав СССР незаконным и недействительным и восстановила действие основных положений Конституции Латвии 1922 года. После двух неудавшихся попыток государственного переворота Верховный Совет 21 августа 1991 г. принял Конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики», провозглашающий полную и немедленную независимость Латвии.

32. Законом, принятым 6 апреля 1993 г., Верховный Совет включил в особый раздел прежнего Уголовного кодекса, действовавшего в то время, новую главу 1-а, содержащую статьи, которые предусматривали уголовную ответственность за такие деяния, как геноцид, преступления против человечества или против мира, военные преступления и расовая дискриминация. В новой статье 68-3 речь шла о военных преступлениях. За их совершение предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет либо лишения свободы пожизненно. Этим же законом Кодекс был дополнен статьей 6-1, согласно которой уголовно-правовым нормам, предусматривающим наказание за преступления против человечества и военные преступления, придавалась обратная сила, а также статьей 45-1, согласно которой к такого рода преступлениям не должны были применяться сроки давности.

Е. Уголовное дело в отношении заявителя и вынесение ему обвинительного приговора

1. Первое предварительное следствие и первое судебное разбирательство

33. В январе 1998 г. Центр документации последствий тоталитаризма [*Totalitārīisma seku dokumentēšanas centrs*] при Бюро по защите Конституции [*Satversmes aizsardzības birojs*] возбудил уголовное дело по факту событий 27 мая 1944 г. По мнению Центра, заявитель, возможно, совершил преступление, предусмотренное статьей 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса. 28 июля 1998 г. материалы следствия были направлены в Генеральную прокуратуру Латвии [*Ģenerālprokuratūra*].

34. Решением от 2 августа 1998 г. Генеральный прокурор Латвии предъявил заявителю обвинение в совершении военных преступлений. 10 октября 1998 г. заявитель предстал перед Судом первой инстанции Центрального района г. Риги, который избрал в отношении него меру пресечения в виде содержания под стражей.

35. 19 ноября 1998 г. прокуратура объявила об окончании следствия и передала документы заявителю и его адвокату для ознакомления. 17 декабря 1998 г. заявитель закончил

изучение материалов следствия. На следующий день прокуратура подготовила окончательное обвинительное заключение [*apsūdzības raksts*] и направила дело в Рижский окружной суд, который должен был рассматривать дело по первой инстанции. Согласно обвинительному заключению, прокуратура также установила личности большинства других бывших партизан, принимавших участие в операции в деревне Малые Баты, однако к тому времени никого из них уже не было в живых.

36. Рижский окружной суд рассмотрел обоснованность выдвинутых обвинений на слушаниях дела, которые состоялись 21 января 2000 г. Заявитель настаивал на своей невиновности. Он вновь озвучил свою версию событий 27 мая 1944 г., подчеркнув, в частности, что все жертвы нападения, в том числе беременная жена Мейкула Крупника, являлись шуцманами и были вооружены. Заявитель утверждал, что он не принимал личного участия в нападении. Что касается различных документов, статей в средствах массовой информации и послевоенных исследований, которые свидетельствовали об обратном, он утверждал, что сознательно допустил искажение исторических фактов, для того чтобы стать знаменитым и получить определенные выгоды. Тем не менее окружной суд признал, что в материалах дела содержатся ясные доказательства вины заявителя, а именно:

(а) показания восьми детей тех жителей деревни, которые были убиты «красными партизанами» 27 мая 1944 г. Из них трое своими глазами видели, как убивали их родителей. Остальные пятеро в тот момент находились в соседней деревне или были слишком малы, чтобы отдавать себе отчет в происходящем. Тем не менее они вспомнили, как рассказывали об этих событиях члены их семей.

(б) Показания 19 свидетелей, в том числе четырех непосредственных очевидцев произошедшего.

(с) Различные послевоенные донесения, подготовленные и подписанные лично заявителем, в которых описание событий в деревне Малые Баты точно согласовывалось с фактами, установленными следствием. В частности, он прямо признал, что он застрелил Амвросия Буля и заживо сжег шестерых человек.

(д) Различные донесения, подписанные командирами заявителя, которые сходным образом описывали произошедшее.

(е) Исписанная тетрадь, найденная в доме заявителя, с набросками мемуаров, которые он планировал написать. Содержащийся там рассказ об операции 27 мая 1944 г. в целом согласовывался с фактами, которые были установлены следствием.

(ф) Различные исторические и энциклопедические работы, а также статьи и устные свидетельства заявителя, опубликованные в советских газетах в 1960-х и в 1970-х годах.

(г) Показания автора одной из вышеупомянутых статей, подтверждающие, что описание, содержащееся в его статье, основано на рассказе самого заявителя.

(h) Различные документы из Государственного исторического архива Латвии, содержащие информацию о жителях деревни Малые Баты, а также о действиях и решениях немецкой военной администрации в то время.

(i) Показания женщины, которая во время войны была радисткой в диверсионной группе заявителя.

37. На основании всех этих доказательств окружной суд пришел к выводу, что заявитель совершил действия, запрещенные Уставом Международного военного трибунала для Нюрнберга от 8 августа 1945 г., Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. Исходя из этого, суд признал заявителя виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 68-3 ранее действовавшего Уго-

ловного кодекса, и назначил ему наказание в виде шести лет лишения свободы. И заявитель, и прокуратура обжаловали этот приговор в Коллегию по уголовным делам Верховного суда Латвии.

38. В решении от 25 апреля 2000 г. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии отменила обжалованный приговор и вернула дело в Генеральную прокуратуру Латвии для производства дополнительного расследования. В решении было сказано, что в мотивировке окружного суда имеются пробелы. В частности, суд первой инстанции не дал ясных ответов на вопросы, которые имели решающее значение для исхода судебного разбирательства, такие, как: действительно ли деревня Малые Баты находилась на «окупированной территории»; мог ли заявитель считаться комбатантом, а его жертвы — некомбатантами и следовало ли считать жертв заявителя военнопленными в случае их ареста, если немецкая военная администрация снабдила их оружием. Кроме того, Коллегия по уголовным делам отметила, что в особых обстоятельствах этого дела прокуратура должна была обратиться за консультацией к специалистам в области истории и международного уголовного права. Наконец, она решила изменить избранный в отношении заявителя меру пресечения и распорядилась незамедлительно освободить его из-под стражи.

39. Прокуратура обжаловала решение Коллегии по уголовным делам по вопросам права. В решении от 27 июня 2000 г. Сенат Верховного суда Латвии оставил жалобу прокуратуры без удовлетворения, хотя и скорректировал основания, по которым Коллегия по уголовным делам направила дело на дополнительное расследование. В частности, Сенат Верховного суда Латвии счел необоснованным указание Коллегии по уголовным делам о том, что прокуратура должна была обратиться за консультацией к специалистам в области международного права, так как по сугубо юридическим вопросам экспертное заключение запрашиваться не может, поскольку они относятся к исключительной компетенции суда.

2. Второе предварительное следствие и судебное разбирательство

40. 17 мая 2001 г., после того, как Генеральная прокуратура Латвии провела новое предварительное следствие по делу, заявителю еще раз было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса. Сенат Верховного Суда Латвии пришел к выводу, что рассматривать дело по первой инстанции должен Латгальский окружной суд.

41. 3 октября 2003 г. Латгальский окружной суд рассмотрел обоснованность выдвинутых обвинений. В приговоре, вынесенном по окончании слушаний, окружной суд снял с заявителя обвинение в совершении военных преступлений, но признал его виновным в бандитизме — преступлении, предусмотренном статьей 72 ранее действовавшего Уголовного кодекса, которая за совершение этого преступления устанавливала наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

42. Рассмотрев положение, в котором оказалась Латвия вследствие событий 1940 года и немецкой оккупации, окружной суд пришел к выводу, что заявителя ни в коем случае нельзя считать «представителем оккупационных сил». Напротив, он сражался за освобождение страны с оккупировавшими ее вооруженными силами фашистской Германии. Ввиду того что Латвия была включена в состав СССР, действия заявителя следовало рассматривать с точки зрения советского законодательства. Кроме того, он не мог с достаточными основаниями предвидеть, что однажды его сочтут «представителем советских оккупационных сил». Что касается операции в деревне Малые Баты, окружной суд

согласился с тем, что жители деревни сотрудничали с немецкой военной администрацией и выдали вермахту отряд «красных партизан» Чугунова, а также что вторжение в деревню основывалось на приговоре специально созданного в подразделении военного трибунала. Кроме того, окружной суд признал, что смерть шестерых жителей деревни Малые Баты можно считать необходимой и оправданной с точки зрения соображений военного времени. Тем не менее суд пришел к выводу, что такое оправдание не применимо ни к убийству трех женщин, ни к поджогу хозяйственных построек в деревне. Следовательно, учитывая, что они не ограничились приведением в исполнение приговора специально созданного военного трибунала, а действовали с превышением предоставленных им полномочий, и заявитель, и его подчиненные совершили акт бандитизма, за который они несут полную ответственность. Кроме того, заявитель как командир нес ответственность за действия своего отряда. Тем не менее бандитизм не относится к преступлениям, к которым не применяется срок давности. Поэтому окружной суд освободил заявителя от уголовной ответственности на основании истечения срока давности для привлечения к уголовной ответственности.

43. Обе стороны обжаловали указанный приговор в Коллегию по уголовным делам Верховного суда Латвии. Ссылаясь, в частности, на часть первую статьи 7 Конституции Латвии, заявитель требовал полностью его оправдать, утверждая, что в его случае закону была придана обратная сила. Прокуратура утверждала, что окружной суд допустил множество серьезных ошибок в вопросах факта и вопросах права. По мнению прокуратуры, окружной суд полностью пренебрег тем, что включение Латвии в состав СССР противоречило Конституции Латвии 1922 года и нормам международного права, а следовательно, было незаконным и де-юре Латвийская Республика продолжала существовать. Соответственно действия заявителя в 1944 году могли и должны были рассматриваться с точки зрения латвийского законодательства и международного права, но не с точки зрения советского законодательства. Далее, прокуратура критиковала оценку доказательств по делу окружным судом. По ее мнению, при вынесении приговора суд основывался на ряде утверждений заявителя, не подкрепленных никакими доказательствами. К таковым следовало отнести утверждения о том, что жители деревни Малые Баты являлись вооруженными пособниками немецкой администрации и помогли вермахту уничтожить партизан отряда под командованием Чугунова; о том, что в подразделении, в котором служил заявитель, был создан «трибунал»; а также о том, что истинной целью операции в деревне Малые Баты было не казнь ее жителей на месте, а их задержание для последующей организации суда над ними. По мнению прокуратуры, собранные ей доказательства, скорее, свидетельствовали об обратном. Прокуратура жаловалась на то, что окружной суд слепо доверился показаниям заявителя, не рассмотрев материалов дела в целом.

44. Решением от 30 апреля 2004 г. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии удовлетворила жалобу прокуратуры, отменила обжалованный приговор и признала заявителя виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса. Рассмотрев доказательства, упомянутые в приговоре от 21 января 2000 г. (см. выше, пункт 36 настоящего постановления), Коллегия по уголовным делам отметила следующее:

«<...> Итак, В. Кононов и партизаны специальной группы, которой он командовал, украли оружие, выданное жителям деревни для самообороны, и убили девять человек из числа гражданского населения деревни. При этом партизаны заживо сожгли шестерых из них, в том числе трех женщин, одна

из которых была на последнем месяце беременности. Кроме того, они сожгли два крестьянских подворья.

Напаив на этих девяти мирных жителей деревни Мале Баты, не принимавших участие в боевых действиях, укрыв их оружие и убив их, В. Кононов и подчиненные ему партизаны <...> совершили вопиющее нарушение законов и обычаев войны, установленных:

– пунктом “b” части первой статьи 23 Гаагской конвенции от [18] октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, обязательной для всех цивилизованных стран, который запрещает предательски убивать и ранить лиц, принадлежащих к гражданскому населению; статью 25 [Гаагской конвенции], которая запрещает атаковать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения; а также первый абзац статьи 46 [Гаагской конвенции], согласно которой честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность должны быть уважаемы;

– пунктом “a” части первой статьи 3 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны <...>, которая запрещает посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность лиц, непосредственно не принимающих участия в военных действиях, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания; пунктом “d” [этой же части], согласно которому <...> не допускается осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями; статьей 32, запрещающей убийства, пытки покровительствуемых лиц и любое другое жестокое обращение с ними; а также статьей 33, предусматривающей, что ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично, запрещает коллективные наказания, так же как и всякие меры запугивания или террора, а также ограбление и репрессалии в отношении покровительствуемых лиц и их имущества;

– частью 2 статьи 51 Дополнительного протокола к [вышеупомянутой] Конвенции, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принятого 8 июня 1977 г. <...>, который устанавливает, что гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений, а также запрещает акты насилия или угрозы насилием, имеющей основной целью терроризировать гражданское население; пунктом “a” части четвертой [этой же статьи], запрещающим нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты; частью шестой [этой же статьи], запрещающей нападения на гражданское население или на отдельных гражданских лиц в порядке репрессалий; пунктом “a” части второй статьи 75 <...>, который запрещает насилие над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц, в частности, убийство, пытки всех видов, будь то физические или психические и увечья; а также пунктом “d” [этой же части], запрещающим коллективные наказания.

В. Кононов и его партизаны действовали с особой жестокостью, сожгли заживо беременную жительницу деревни <...>. Тем самым они открыто надругались над законами и обычаями войны, установленными частью первой статьи 16 Женевской конвенции <...>, согласно которой беременные женщины пользуются особым покровительством и защитой.

Аналогичным образом, предав огню [жилище] дома и иные постройки, принадлежащие жителям деревни <...> Мейкулу Крупнику и Бернарду Шкирманту, В. Кононов и его партизаны нарушили положения статьи 53 этой Конвен-

ции, запрещающие всякое уничтожение недвижимого имущества, которое не является абсолютно необходимым для военных операций, а также статьи 52 Дополнительного протокола I к Женевской конвенции <...>, согласно которому гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий.

<...>

Принимая во внимание изложенное выше, действия В. Кононова и его подчиненных следует считать военными преступлениями по смыслу положений пункта “b” второго абзаца статьи 6 Устава Международного военного трибунала для Нюрнберга, согласно которому убийства и истязания гражданского населения оккупированной территории, ограбление частной собственности, бессмысленное разрушение деревень и разорение, не оправданное военной необходимостью, являются нарушениями законов и обычаев войны, то есть военными преступлениями.

Кроме того, действия В. Кононова и его подчиненных следует считать “серьезными нарушениями” по смыслу положений статьи 147 <...> Женевской конвенции <...>

Следовательно <...>, В. Кононов виновен в совершении преступления, предусмотренного статьей 68-3 Уголовного кодекса <...>

<...>

Материалы дела показывают, что после войны выжившие члены семей убитых безжалостно преследовались и подверглись репрессиям. После того как Латвия вновь обрела независимость, все убитые были реабилитированы. В свидетельствах об их реабилитации указывалось, что они не совершали “преступлений против мира [или] человечества, уголовно наказуемых деяний <...> и не принимали участия <...> в политических репрессиях <...> фашистского режима” <...>

<...>

Надо полагать, что на В. Кононова распространяется [действие статьи, предусматривающей ответственность за] военное преступление [о котором идет речь] в соответствии со статьей 45 Дополнительного протокола I к Женевской конвенции <...>, которая устанавливает, что комбатанты, то есть те лица, которые имеют право принимать непосредственное участие в боевых действиях, являются военнослужащими вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте.

Во время Второй мировой войны В. Кононов входил в состав вооруженных сил воюющей стороны, [а именно] СССР, и играл активную роль в организованных ей военных операциях.

В. Кононова послали в Латвию со специальным заданием. Он получил четкий приказ сражаться в тылу противника [и] организовывать там взрывы.

Отряд под командованием В. Кононова нельзя считать группой добровольцев, потому что он был создан вооруженными силами одной из воюющих сторон (СССР) и находился под командованием этих сил; это подтверждается материалами дела. Аналогичным образом в то время, когда было совершено преступление, в котором он обвиняется, В. Кононов действовал еще и в качестве комбатанта, возглавляя вооруженную группу, которая имела право участвовать в боевых действиях в составе вооруженных сил воюющей стороны. <...>

<...>

В. Кононов воевал на территории Латвии, оккупированной СССР, и ни тот факт, что в то время она находилась под двойной оккупацией (второй оккупационной державой была Германия), ни тот факт, что СССР входил в антигитлеровскую коалицию, не отражается на его статусе военного преступника <...>

<...>

Коллегия по уголовным делам считает, что всех убитых жителей деревни Малые Баты следует считать гражданскими лицами по смыслу положений статьи 68-3 Уголовного кодекса <...> и норм международного права.

В силу статьи 50 Дополнительного протокола I к Женевской конвенции <...>, под гражданским лицом понимается любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 43 этого Протокола или в статье 4(A) Конвенции.

Признаки, указанные в вышеупомянутой статье, характерны для [определенных] категорий людей, не позволяя отнести их к гражданским лицам. Тем не менее они не относятся к убитым жителям деревни.

Оттого, что жители деревни получили оружие и боеприпасы, они не стали комбатантами. Это не свидетельствует о каких-либо намерениях с их стороны проводить военные операции.

<...>

Было установлено, <...> что партизанский отряд под командованием Чугунова был уничтожен воинским подразделением немцев; это подтверждается также анализом штабных документов <...>

В материалах дела не содержится никаких доказательств, показывающих, что жители деревни принимали участие в этой операции.

То, что Мейкул Крупник, возможно, сообщил немцам о том, что в его сарае находятся партизаны, не лишает его статуса “гражданского лица”.

Г-н Крупник проживал на территории, оккупированной Германией, и нет никаких сомнений в том, что присутствие партизан на его подворье в военное время представляло опасность и для него, и для его семьи.

<...>

То, что жители деревни держали дома оружие и несли [регулярное] ночное дежурство, не означает, что они принимали участие в боевых действиях, а свидетельствует о неподдельном страхе подвергнуться нападению.

Все граждане, как в военное, так и в мирное время, имеют право защищать себя и свои семьи, если их жизни подвергаются опасности.

Материалы дела показывают, что “красные партизаны”, в том числе и отряд под командованием Чугунова, прибегали к насилию в отношении гражданских лиц, заставляя тем самым гражданское население опасаться за свою безопасность.

Потерпевший [К.] дал показания, что “красные партизаны” грабили дома и нередко забирали запасы продовольствия.

Преступные действия партизан были отмечены в донесениях командиров [S.] и [Č.], свидетельствующих о том, что “красные партизаны” грабили и убивали местных жителей и совершали в отношении них иные преступления. У многих людей складывалось впечатление, что они не воевали, а мародерствовали <...>.

<...>

Материалы дела показывают, что из тех жителей деревни, которые были убиты в Малых Батах в 1943 году и в 1944 году, айзсаргами были [лишь] Бернад Шкирмант и [его жена]. В архивном фонде не содержится никаких сведений, показывающих, что кто-либо из других потерпевших принимал участие в деятельности айзсаргов или какой-либо другой организации <...>

Коллегия по уголовным делам считает, что принадлежность вышеупомянутых лиц к айзсаргам не позволяет считать их комбатантами, так как не было установлено, что они <...> принимали участие в военных операциях, организованных вооруженными силами воюющей стороны.

Было установлено <...>, что ни одно немецкое воинское подразделение не дислоцировалось в деревне Малые Баты

и что жители этой деревни не несли никакой воинской обязанности, а [наоборот] занимались сельским хозяйством.

Когда происходили [указанные] события, они были дома и готовились праздновать Троицын день. Среди убитых были не только вооруженные мужчины, но и женщины, одна из которых находилась на последнем месяце беременности и, таким образом, имела право на особую <...> защиту согласно Женевской конвенции.

Когда Коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что убитые относились к числу мирных жителей, у нее не возникло никаких сомнений в их статусе; тем не менее, даже если предположить, что какие-то сомнения все-таки оставались, в Дополнительном протоколе I к Женевской конвенции сказано, что в случае сомнений любой человек должен считаться гражданским лицом.

<...>

Поскольку Латвия не присоединилась к Гаагской конвенции 1907 года, положения этого договора не могут служить основанием [для вывода о наличии] нарушения.

Военные преступления находятся под запретом, и все страны должны предавать суду всякого, кто виновен в их совершении, поскольку ответственность за такие преступления является составной частью международного права независимо от того, являются ли стороны конфликта сторонами международных договоров <...>».

45. Исходя из изложенных выше соображений, Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии пришла к выводу, что действия заявителя 27 мая 1944 г. являлись военным преступлением по смыслу положений статьи 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса. Однако она исключила из числа обвинений два заявленных прокуратурой, но не подкрепленных достаточно убедительными доказательствами пункта, а именно предполагаемое убийство заявителем Амвросия Буля и Бернарда Шкирманта (см. выше, пункты 17 и 20 настоящего постановления) и предполагаемые пытки жителей деревни. Призвав заявителя виновным в совершении тяжкого преступления и отметив его преклонный возраст, немощность, а также установив, что он не представляет общественной опасности, Коллегия по уголовным делам назначила ему наказание в виде лишения свободы на срок один год и восемь месяцев, которое заявитель, как предполагалось, уже отбыл, так как его пребывание в следственном изоляторе продолжалось еще дольше.

46. Заявитель обжаловал это решение по вопросам права в Сенат Верховного Суда Латвии. Решением от 28 сентября 2004 г. Сенат отклонил его жалобу, рассуждая следующим образом:

«<...> Сделав вывод, что В. Кононов был комбатантом и совершил преступление, о котором идет речь, на территории, оккупированной СССР, Коллегия по уголовным делам основывалась на решениях высших представительных органов Латвийской Республики, на соответствующих международных конвенциях и других доказательствах, вместе взятых, проверка и оценка которых была произведена в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Декларация Верховного Совета <...> от 4 мая 1990 г. “О восстановлении независимости Латвийской Республики” признала, что ультиматум, выдвинутый правительству Латвийской Республики 16 июня 1940 г. бывшим сталинским СССР, следует считать международным преступлением, так как Латвия была оккупирована, в результате чего она лишилась суверенитета. [Тем не менее] Латвийская Республика продолжала существовать в качестве субъекта международного права, и это признало более пятидесяти государств по всему миру <...>.

<...>

Рассмотрев обоснованность вынесенного решения, Сенат <...> полагает, что в той мере, в какой Коллегия по уголовным делам признала, что на В. Кононова распространяется действие статьи 68-3 Уголовного кодекса, <...> его действиям была дана правильная квалификация, так как, будучи участником боевых действий и комбатантом на территории Латвии, оккупированной СССР, он нарушил законы и обычаи войны тем, что планировал и возглавлял военную операцию, целью которой было принять ответные действия в отношении гражданских лиц, а именно мирных жителей деревни Малые Баты, девять из которых было убито <...> [и] имущество которых было похищено [или] сожжено.

Как (справедливо) отметил суд второй инстанции, ни тот факт, что во время Второй мировой войны территорию Латвии последовательно оккупировали две державы (одной из которых была Германия; по выражению суда второй инстанции, это была “двойная оккупация”), ни тот факт, что СССР входил в антигитлеровскую коалицию, никак не отразился на виновности В. Кононова в совершении военного преступления.

Относительно утверждения <...>, что, признав В. Кононова виновным в совершении указанного военного преступления, суд [второй инстанции] нарушил положения статьи 6 Уголовного кодекса <...> о действиях уголовного закона во времени, [Сенат] полагает, что оно должно быть отклонено по следующим соображениям.

Решение показывает, что суд второй инстанции применил конвенции, а именно Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 г. <...> и Дополнительный протокол [к ней] от 8 июня 1977 г. <...> к военному преступлению, в совершении которого обвинялся В. Кононов, не учитывая момент их вступления в силу. [Это соответствует] Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. [Суд второй инстанции заявил,] что Латвийская Республика, будучи оккупированной СССР, ранее не могла принять [соответствующего] решения. Сославшись на принцип неприменимости срока давности, суд второй инстанции выполнил обязательства, вытекающие из международных договоров, и привлек к уголовной ответственности лиц, виновных в указанных преступлениях, независимо от времени их совершения.

Поскольку в указанном решении нарушение законов и обычаев войны, в котором обвинялся В. Кононов, было названо военным преступлением по смыслу положений второго абзаца пункта “b” статьи 6 устава Международного военного трибунала для Нюрнберга <...> и, <...> в силу вышеупомянутой Конвенции ООН от 26 ноября 1968 г. <...>, к военным преступлениям <...> не применяется срок давности, <...> Сенат признает справедливым вывод о том, что на его действия распространяется статья 68-3 Уголовного кодекса <...>.

Довод <...> о том, что <...> Декларация Верховного Совета “О восстановлении независимости Латвийской Республики” от 4 мая 1990 г. и декларация парламента “Об оккупации Латвии” от 22 августа 1996 г. представляют собой не более чем политические прокламации, которые не могут лечь в основу судебного решения и иметь обратную силу, является необоснованным.

[Сенат] приходит к выводу, что обе декларации представляют собой государственные конституционно-правовые акты, законность которых не подвергается сомнению.

В своем решении, [которое было вынесено после] оценки доказательств, рассмотренных на слушаниях дела, [суд второй инстанции] пришел к выводу, что, будучи комбатантом, В. Кононов организовал и возглавлял партизанскую

военную операцию, направленную на репрессалии путем истребления гражданского населения деревни Малые Баты, а также разграбления и уничтожения подворий жителей этой деревни. Поскольку это так, суд второй инстанции правильно пришел к выводу, что действия отдельных членов его группы <...> нельзя считать [просто] эксцессом исполнителей.

Согласно принципам уголовного права об ответственности организованных групп лиц, члены [группы] являются соучастниками преступления независимо от той роли, которую они играли в его совершении.

Этот принцип ответственности членов организованной группы признан в третьем абзаце статьи 6 Устава Международного военного трибунала для Нюрнберга, согласно которому руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за любые действия любых лиц в целях осуществления такого плана.

Следовательно, довод, что суд второй инстанции использовал критерий “объективной ответственности” для того, чтобы в отсутствие каких-либо доказательств признать В. Кононова виновным в действиях бойцов специальной группы партизан, командиром которой он был, не приняв во внимание его субъективное отношение к последствиям этих действий, является необоснованным <...>.

II. ДЕКЛАРАЦИИ, ПРИНЯТЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

47. 4 мая 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики» и, в этот же день, Декларацию «О присоединении Латвийской Республики к документам о правах человека» [*Par Latvijas Republikas pievienošanas starptautisko tiesību dokumentiem cilvēktiesību jautājumos*]. Присоединение, о котором говорилось в Декларации, на практике означало торжественное одностороннее признание ценностей, воплощенных в соответствующих документах. Впоследствии большая часть упомянутых в Декларации конвенций была в установленном порядке подписана и ратифицирована Латвией.

48. 22 августа 1996 г. парламент Латвии принял Декларацию «Об оккупации Латвии». В этой декларации аннексия территории Латвии СССР в 1940 году была названа военной оккупацией, а включение ее в состав СССР было объявлено незаконным. Повторное вступление СССР во владение этой территорией в конце Второй мировой войны было охарактеризовано как «восстановление оккупационного режима».

III. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

A. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года

49. Указом Президиума Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики (ССР) от 6 ноября 1940 г. Уголовный кодекс Латвии 1933 года был заменен Уголовным кодексом, принятым Советской Россией в 1926 году и который тем самым стал действовать также и на территории Латвии. Положения этого кодекса в редакции, действовавшей во время Второй мировой войны, которые имели отношение к настоящему делу, предусматривали следующее:

Статья 2

«Действие настоящего Кодекса распространяется на всех граждан РСФСР [Российской Советской Федеративной Соци-

алистической Республики], совершивших общественно опасные действия в пределах РСФСР, а равно и за пределами Союза ССР в случае задержания их на территории РСФСР».

Статья 3

«Граждане иных союзных республик подлежат ответственности по законам РСФСР за совершенные ими преступления на территории РСФСР, а равно вне пределов Союза ССР, если они задержаны и преданы суду или следствию на территории РСФСР.

За совершенные на территории Союза преступления граждане союзных республик подлежат ответственности по законам места совершения преступления».

Статья 4

«Иностранцы за преступления, совершенные на территории Союза ССР, подлежат ответственности по законам места совершения преступления».

Статья 193-1

«Воинскими преступлениями признаются преступления военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота, лиц, зачисленных в команды обслуживания, и лиц, призываемых на службу в территориальные формирования на время отбывания ими сборов, направленные против установленного порядка несения военной службы, если притом эти преступления по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или военно-морской службе <...>».

Статья 193-3

«Неисполнение военнослужащим законного приказа по службе, если это неисполнение имело место в боевой обстановке, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок не менее трех лет, а если оно повлекло за собой вредные последствия для боевых действий, — высшую меру социальной защиты [то есть смертную казнь] <...>».

Статья 193-17

«Мародерство, то есть противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с угрозой оружием или под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся при них вещей, влечет за собой применение высшей меры социальной защиты с конфискацией всего имущества, с понижением при смягчающих обстоятельствах — до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет».

Статья 193-18

«Противозаконное насилие над гражданским населением, учиненное военнослужащими в военное время или при боевой обстановке, влечет за собой применение мер социальной защиты в виде лишения свободы со строгой изоляцией не ниже трех лет, а при отягчающих обстоятельствах — высшую меру социальной защиты».

50. Статья 14 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года предусматривает трех-, пяти- и десятилетние сроки давности привлечения к уголовной ответственности в зависимости от срока наказания. Тем не менее суд первой инстанции был наделен полной свободой не применять сроки давности в двух случаях: когда дело касалось «контрреволюционных преступлений» и когда подсудимый «вел активную борьбу

против рабочего класса и революционного движения», занимая высокую должность, при царизме или во время Гражданской войны в России (1917—1922 гг.). В первом из этих случаев подсудимый не подлежал смертной казни, если срок давности не применялся, а во втором суд также сохранял за собой право приговорить его к высшей мере наказания.

В. Уголовный кодекс РСФСР, а затем Латвии 1961 года

51. 6 января 1961 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял новый Уголовный кодекс [*Kriminālkodekss*], пришедший на смену Уголовному кодексу 1926 года. Он вступил в силу 1 апреля 1961 г. Положения Уголовного кодекса 1961 года, имеющие отношение к настоящему делу, предусматривали следующее:

Статья 72

(в редакции Закона от 15 января 1998 г.)

«Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях — наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет <...> или смертной казнью <...>».

Статья 226

«Воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящим Кодексом преступления против установленного порядка несения воинской службы, совершенные военнослужащими <...>».

Статья 256

(исключена Законом от 10 сентября 1991 г.)

«Разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий, — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью».

52. Статья 45 Уголовного кодекса предусматривала, что сроки давности применяются к преступлениям, за которые полагается наказание в виде смертной казни, не автоматически, а по усмотрению суда.

53. В Уголовный кодекс было внесено множество поправок, но он остался в силе после того, как Латвия вновь обрела независимость. 10 сентября 1991 г. статья 256 была исключена. Законом от 6 апреля 1993 г. в Уголовный кодекс были включены следующие статьи:

Статья 6-1

«Лица, виновные в преступлениях против человечества, геноциде, преступлениях против мира или военных преступлениях, могут быть осуждены независимо от времени совершения указанных преступлений».

Статья 45-1

«Сроки давности привлечения к уголовной ответственности не применяются к лицам, виновным в преступлениях против человечества, геноциде, преступлениях против мира или военных преступлениях».

Статья 68-3

«Любой человек, признанный виновным в военном преступлении, определенном в соответствующих конвенциях, то есть в нарушении законов и обычаев войны путем убийства, пыток, грабежа гражданского населения на оккупированной территории либо заложников или военноплен-

ных, депортации этих лиц или их принуждение к труду, или необоснованное уничтожение городов и поселений, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет или пожизненно».

С. Уголовный кодекс Латвии 1998 года

54. На смену Уголовному кодексу 1961 года пришел новый Уголовный кодекс [*Krimināllikums*], который был принят в 1998 году и вступил в силу 1 апреля 1999 г. Положения статей 6-1, 45-1 и 68-3 прежнего Уголовного кодекса были включены в пункт 4 статьи 5, статью 57 и статью 74 нового Уголовного кодекса. Однако максимальный срок лишения свободы, который мог быть назначен в качестве альтернативы пожизненному заключению, был увеличен до двадцати лет. Кроме того, в новом Уголовном кодексе содержались следующие статьи:

Часть 1 статьи 34

«Выполнение лицом преступного приказа или преступного распоряжения является оправданным лишь в тех случаях, когда это лицо не сознавало преступный характер приказа или распоряжения и его преступность не была очевидной. Однако уголовная ответственность в таких случаях наступает, если совершены преступления против человечества и мира, военные преступления и геноцид».

Статья 75

«Незаконное насилие над гражданским населением в районе военных действий, а также незаконное насильственное изъятие или уничтожение его имущества — наказываются лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет».

IV. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А. Договоры, заключенные до начала Второй мировой войны: Гаагские конвенции (1899 года и 1907 года)

55. Первая юридически обязательная кодификация законов и обычаев войны была осуществлена Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны от 29 июля 1899 г., принятой и открытой для подписания на первой Гаагской международной конференции мира. К Конвенции прилагалось Положение о законах и обычаях сухопутной войны. И Конвенция, и Положение вступили в силу 28 июня 1907 г.

56. 18 октября 1907 г. на второй Гаагской международной конференции мира была подписана еще одна конвенция с аналогичным названием. Как и Конвенция 1899 года, она включала в себя Положение о законах и обычаях сухопутной войны. Различия между двумя редакциями Конвенций и Положений были незначительными. В статье 4 второй Конвенции, которая вступила в силу 11 июля 1910 г., было сказано, что она заменит Конвенцию 1899 года. Тем не менее Конвенция 1899 года оставалась в силе «в отношениях между Державами, которые ее подписали и которые не ратифицировали равным образом и [новой] Конвенции». И Германия, и Россия ратифицировали Конвенцию 1907 года 27 ноября 1909 г., однако Латвия ее не ратифицировала.

57. Пункты Преамбулы к Конвенции 1907 года, имеющие отношение к настоящему делу, предусматривают следующее:

«<...> признавая, что <...> надлежит подвергнуть пересмотру общие законы и обычаи войны как в целях более точного их определения, так и для того, чтобы ввести в них известные ограничения, которые, насколько возможно, смягчили бы их суровость;

[Высокие Договаривающиеся Стороны] признали необходимым восполнить и по некоторым пунктам сделать

более точными труды Первой Конференции Мира, которая, одушевляясь по примеру Брюссельской Конференции 1874 года этими началами мудрой и великодушной предусмотрительности, приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны.

Постановления эти, внушенные желанием уменьшить бедствия войны, насколько позволяют военные требования, предназначаются, согласно видам Высоких Договаривающихся Сторон, служить общим руководством для поведения воюющих в их отношениях друг к другу и к населению.

В настоящее время оказалось, однако, невозможным прийти к соглашению относительно постановлений, которые обнимали бы все возникающие на деле случаи.

С другой стороны, в намерениях Высоких Договаривающихся Держав не могло входить, чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военачальствующих.

Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания.

<...>».

58. В статье 2 Конвенции 1907 года сказано:

«Постановления упомянутого в статье 1 Положения, а равно настоящей конвенции обязательны лишь для договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в Конвенции».

59. Статьи Положения о законах и обычаях сухопутной войны, имеющие отношение к настоящему делу (они полностью идентичны в обеих редакциях), предусматривают следующее:

Статья 1

«Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

1. имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
2. имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
3. открыто носят оружие и
4. соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии».

Статья 2

«Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, согласно статье 1 будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны».

Статья 3

«Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата не-

приятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных».

Статья 22

«Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю».

Часть 1 статьи 23

«Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается:

<...>

b) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля;

<...>

g) истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимостью <...>».

Статья 24

«Военные хитрости и употребление способов, необходимых к получению сведений о неприятеле и о местности, признаются дозволенными».

Статья 25

«Воспрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения».

Статья 28

«Воспрещается отдавать на разграбление город или местность, даже взятые приступом».

Статья 42

«Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии.

Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность».

Статья 46

«Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность, равно как и религиозные убеждения и отправление обрядов веры, должны быть уважаемы.

Частная собственность не подлежит конфискации».

Статья 47

«Грабеж безусловно воспрещается».

Статья 50

«Никакое общее взыскание денежное или иное не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения».

В. Нюрнбергский и Токийский трибуналы

1. *Устав Международного военного трибунала для Нюрнберга, вынесенный им приговор и «Нюрнбергские принципы»*

60. Имеющие отношение к настоящему делу статьи устава Международного военного трибунала для Нюрнберга, приложенного к Лондонскому соглашению 1945 года, предусматривают следующее:

Статья 6

«Трибунал, учрежденный [Лондонским] Соглашением <...> для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать

лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

<...>

(b) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

<...>

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана.

Статья 8

«Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

61. К настоящему делу имеют отношение следующие положения приговора Нюрнбергского трибунала, вынесенного 1 октября 1946 года:

«Трибунал <...> связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (b) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гагской конвенции 1907 года <...>. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гагская конвенция здесь не применима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в статье 2 Гагской конвенции 1907 года. <...>

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой Конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но конвенция определенно устанавливает, что это была попытка “пересмотреть общие законы и обычаи войны”, которые она, таким образом, признала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав

Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

<...>».

62. В пункте «а» Резолюции № 177 (II) Генеральная Ассамблея ООН поручила Комиссии международного права «сформулировать принципы международного права, признанные в уставе Нюрнбергского трибунала и в вынесенном им приговоре». Принцип II гласит: «То обстоятельство, что во внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву».

2. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока и вынесенный им приговор

63. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского трибунала по военным преступлениям) был утвержден односторонней прокламацией Верховного Главнокомандующего Союзных Держав генерала армии Дугласа Макартура 19 января 1946 г. Положения статьи 5 Устава, имеющие отношение к настоящему делу, предусматривают следующее:

«Трибунал имеет право судить и наказывать военных преступников на Дальнем Востоке, которые обвиняются либо персонально, либо как члены организаций в преступлениях, включая и преступления против мира.

Нижеперечисленные действия или любое из них в отдельности считаются преступлениями, подсудными Трибуналу, за которые привлекают к индивидуальной ответственности:

<...>

б) Военные преступления, предусмотренные конвенциями, а именно: преступления против законов и обычаев войны;

с) <...> Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, принимавшие участие в разработке или осуществлении совместного плана или заговора, предусматривавших совершение какого-либо из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом при выполнении подобных планов».

64. К настоящему делу имеют отношение следующие положения приговора Токийского военного трибунала, вынесенного 12 ноября 1948 г.:

«<...> Эффективность некоторых конвенций, подписанных в Гааге 18 октября 1907 г., как непосредственных до-

говорных обязательств была значительно ослаблена включением в них так называемого пункта о распространении действия Конвенции, устанавливающего, что она приобретает силу лишь тогда, когда ее участниками являются все воюющие стороны. С формально-юридической точки зрения этот пункт лишает некоторые Конвенции силы непосредственных договорных обязательств, либо с самого начала войны, либо в процессе войны, как только держава, не подписавшая Конвенцию, какой бы небольшой она ни была, становится воюющей стороной. Хотя обязанность соблюдать положения Конвенции как юридически обязательного договора может быть аннулирована действием пункта о распространении действия Конвенции или каким-либо иным образом, Конвенция остается убедительным доказательством обычного права народов, и Трибунал должен принимать ее во внимание наряду со всеми остальными имеющимися доказательствами при определении норм обычного права, подлежащих применению в той или иной ситуации <...>».

С. Международные договоры, заключенные после Второй мировой войны

1. Женевская конвенция 1949 года и Первый дополнительный протокол к ней

65. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, вступившая в силу 21 октября 1950 г., и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол 1), принятый 8 июня 1977 г. и вступивший в силу 7 декабря 1978 г., осуществили более детальную кодификацию норм международного права в области вооруженных конфликтов. Помимо множества общих положений, аналогичных, по сути, соответствующим нормам Гаагской конвенции (такие, как безусловный запрет грабежа, необоснованного уничтожения гражданского имущества и коллективных наказаний; защита частной собственности и основных прав), они содержат более конкретные предписания (такие, как запрет пыток и жестокого обращения, а также медицинских экспериментов, не требующихся по медицинским соображениям; особое уважение прав беременных женщин; а также запрет на исполнение наказания в отсутствие приговора, вынесенного заблаговременно в результате рассмотрения дела, в ходе которого были соблюдены минимальные гарантии справедливости).

66. Статья 5 Конвенции от 12 августа 1949 г. предусматривает следующее:

«Если находящаяся в конфликте сторона имеет серьезные основания полагать, что на ее территории какое-либо отдельное лицо, находящееся под покровительством Конвенции, подозревается на законном основании в деятельности, враждебной для безопасности этого Государства, или, когда эта деятельность действительно установлена, такое лицо не будет иметь права претендовать на такие права и преимущества, предоставляемые настоящей Конвенцией, которые наносили бы ущерб безопасности этого Государства, если бы они предоставлялись данному лицу.

Если на оккупированной территории отдельное лицо, находящееся под покровительством Конвенции, задержано в качестве шпиона или диверсанта, или в качестве подозреваемого на законном основании в деятельности, угрожающей безопасности оккупирующей Державы, в тех случаях, когда этого требуют настоятельные соображения военной безопасности, данное лицо может быть лишено прав на связь, предоставляемых данной Конвенцией.

В каждом из этих случаев лица, предусмотренные в предыдущих абзацах, будут, однако, пользоваться гуманным обращением и в случае судебного преследования не будут лишаться своих прав на справедливый и нормальный суд, предусмотренный настоящей Конвенцией. Им будут также полностью предоставлены в возможно кратчайший срок, совместимый с безопасностью Государства или, в соответствующем случае, оккупирующей Державы, права и преимущества, предоставляемые покровительствуемому лицу в соответствии с настоящей Конвенцией».

67. Статья 50 Протокола I от 8 июня 1977 г. гласит:

«1. Гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 (А), (1), (2), (3) и (6) Третьей конвенции и в статье 43 настоящего Протокола. В случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом.

2. Гражданское население состоит из всех лиц, являющихся гражданскими лицами.

3. Присутствие среди гражданского населения отдельных лиц, не подпадающих под определение гражданских лиц, не лишает это население его гражданского характера».

68. Решением от 20 ноября 1991 г. Верховный суд Латвии ратифицировал присоединение страны к различным Женевским конвенциям и дополнительным протоколам к ним, в том числе к Конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. и к Дополнительному протоколу от 8 июня 1977 г., касающемуся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Ратификация вступила в силу 24 июня 1992 г.

2. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества

69. Имеющие отношение к настоящему делу положения Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 26 ноября 1968 г. и вступила в силу 11 ноября 1970 г., предусматривают следующее:

Статья 1

«Никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения:

а) военные преступления, как они определяются в уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 года;

<...>».

Статья 2

«В случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье 1, положения настоящей Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающим их совершение».

Статья 4

«Государства — участники настоящей Конвенции обязуются принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, и чтобы там, где такой срок применяется к этим преступлениям, он был отменен».

70. В отношении Латвии вышеупомянутая Конвенция вступила в силу 13 июля 1992 г.

V. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: КРАСНОДАРСКИЙ И ХАРЬКОВСКИЙ ПРОЦЕССЫ

71. В войне с фашистской Германией, начавшейся 22 июня 1941 г., Советский Союз сразу же убедил своих союзников на Западе в необходимости рассматривать дела военных преступников в национальных судах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была создана Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Собранная этой комиссией информация использовалась для суда над лицами, подозреваемыми в совершении военных преступлений, — сначала над советскими гражданами, обвинявшимися в сотрудничестве с немцами, а потом, по соглашению с Союзными державами, и над самими немцами.

72. По поводу материально-правовых норм уголовного права, подлежащих применению к вышеупомянутому преступлению, 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Указом предусматривалось наказание в виде смертной казни через повешение для немецко-фашистских злодеев и наказание в виде ссылки в каторжные работы для их пособников из местного населения.

73. Первый процесс, в рамках которого использовались положения Указа от 19 апреля 1943 г. и информация, собранная Чрезвычайной Комиссией, состоялся в г. Краснодаре 14—16 июля 1943 г. Несмотря на то что собранные Комиссией материалы касались преступлений представителей фашистских оккупационных сил (массовые казни десятков тысяч гражданских жителей, в том числе женщин, детей, стариков и военнопленных), обвинение было предъявлено лишь одиннадцати советским гражданам, которые сотрудничали с немцами или помогли им. Именно они и предстали перед судом. Восемь подсудимых были приговорены к смертной казни за убийство и государственную измену. Остальным трем было назначено наказание в виде ссылки в каторжные работы на сроки, не превышающие 20 лет.

74. Первый процесс над фашистскими военными преступниками состоялся в г. Харькове (ныне г. Харків, Украина) 15—18 декабря 1943 г. Им было предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений — отравление газом нескольких тысяч жителей Харькова и Харьковской области в специально оборудованных вагонах, пытки военнопленных и мирных жителей и жестокое обращение с ними, разрушение селений, а также уничтожение (иногда сожжение заживо) женщин, детей, стариков, раненых и военнопленных.

75. В своих пояснениях суду прокурор ссылался на общепризнанные нормы международного права и, в частности, на Гаагскую конвенцию 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. Он обратил особое внимание на то, что Германия подписала эту конвенцию и поэтому обязана была ее соблюдать. После того как обвиняемые признали свою собственную вину и вину своих командиров по иерархии, они были приговорены к смертной казни через повешение. На следующий день, 19 декабря 1943 г., приговор был приведен в исполнение.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

76. Заявитель, со ссылкой на статью 7 Конвенции, утверждает, что в отношении него уголовно-правовым нормам была придана обратная сила. В частности, он настаивает на том, что деяния, в которых он обвинялся, на момент их совершения не являлись преступлением ни по национальному законодательству, ни по международному праву, а исключение, предусмотренное вторым абзацем статьи 7 Конвенции, не может применяться в его деле, потому что оно явно не распространяется на предполагаемые преступления. Статья 7 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

A. Аргументы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы государства-ответчика

77. Вначале государство-ответчик обращает внимание на то, что Европейский Суд не является судом четвертой инстанции по отношению к национальным судам и что, за исключением случаев явного произвола, в его функции не входит ставить под сомнение установленные ими факты. Поэтому в основу своего решения Европейский Суд должен положить ту версию событий 27 мая 1944 г., которая была изложена в решениях латвийских судов. Это же относится и к вопросам права: поскольку единственной задачей Европейского Суда является толкование и применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, он не правомочен высказывать свое мнение по поводу какого-либо национального закона или международного договора, такого, как Гаагская конвенция 1907 года. Поэтому, по утверждению государства-ответчика, выводы по вопросам права, сделанные латвийскими судами по настоящему делу, в частности, об отнесении тех или иных лиц к «комбатантам» или к «гражданскому населению», являются обязательными для Европейского Суда.

78. Обращаясь к обстоятельствам дела, государство-ответчик не отрицает однозначно утверждение заявителя, что девять жителей деревни Малье Баты, убитых 27 мая

1944 г., ранее выдали немцам отряд «красных партизан» под командованием майора Чугунова. Тем не менее, по мнению государства-ответчика, даже если предположить, что жители деревни предупредили офицеров вермахта, это не лишает их статуса «гражданских лиц», особенно с учетом того, что ни один из них не принимал участия в уничтожении укрывшихся в сарае партизан. Несмотря на то что жители деревни Малье Баты получили оружие и боеприпасы после гибели отряда под командованием Чугунова, они их использовали лишь для самообороны и не носили оружие открыто. Наконец, жители деревни не оказали никакого сопротивления заявителю или его группе, хотя они и были достаточно хорошо вооружены и имели в своем распоряжении достаточно времени, чтобы организовать отпор. Следовательно, убитые заявителем девять человек действительно были «гражданскими лицами».

79. Кроме того, государство-ответчик не согласилось с утверждением заявителя, что карательная экспедиция 27 мая 1944 г. проводилась по распоряжению специально созданного «красными партизанами» военного трибунала. Государство-ответчик ссылается на местами противоречивые доказательства, которыми располагали суды первой инстанции и которые, по его словам, не указывали ни на то, что этот орган существовал, ни на то, что, даже если он и существовал, он был готов к работе. В любом случае, даже если предположить, что в отношении жителей деревни Малье Баты был вынесен приговор, он был явно незаконен, так как их судили заочно, в нарушение самых основополагающих прав защиты.

80. Что касается существа жалоб на предполагаемое нарушение статьи 7 Конвенции, государство-ответчик свело свои доводы к ответам на шесть последовательно поставленных вопросов. По его мнению, эти ответы указывают на то, что по настоящему делу требования статьи 7 Конвенции нарушены не были.

81. Первый вопрос заключается в том, существовало ли в международном праве по состоянию на 27 мая 1944 г. определение понятия «военные преступления» и подпадали ли под это определение действия заявителя. Чтобы ответить на этот вопрос, государство-ответчик сначала обращается к истории этого понятия начиная с Гражданской войны в США и заканчивая изменением его содержания в эпоху Первой мировой войны и Версальского договора 1919 года. В связи с этим оно утверждает, что до Нюрнбергских процессов необходимо было проводить различие между «нарушением законов и обычаев войны» и «военным преступлением». Хотя много лет спустя в международном праве было определено содержание законов и обычаев войны и, следовательно, установлено, в чем состоят их нарушения, в нем не предусматривалось никаких наказаний для лиц, виновных в такого рода нарушениях. В то время *jus in bello*¹ признавали лишь право государств предавать суду и наказывать своих собственных граждан или иных лиц за нарушения законов и обычаев войны, совершенные на их территории. Вопросы, касающиеся точного характера ответственности (например, уголовная, гражданская или дисциплинарная) и подлежащих применению процессуальных норм (таких, как нормы о соответствующих сроках давности, о процессуальных гарантиях и об органах власти, правомочных рассматривать дело), оставались в исключительном ведении государств. Гаагская конвенция 1907 года, на которую ссылались латвийские суды в настоящем деле, основана именно на этой логике. Хотя с тех пор появилась отчетливая тенденция к введению уголовной ответственности за такого рода нарушения, правовые нормы в этой сфере сформировались лишь после фашистских злодеяний периода Второй мировой войны. Новые международные до-

¹ Jus in bello (лат.) — правила ведения войны (примечание редакции).

говоры — Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года — ограничили свободу маневра государств, предусмотрев для них обязательство криминализировать наиболее тяжкие нарушения законов и обычаев войны, исключить применение к ним сроков давности, расследовать эти нарушения и привлекать к суду не только лиц, подозреваемых в их совершении, но и их пособников.

82. В настоящем деле государство-ответчик ссылается на приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов как на доказательство того, что к началу Второй мировой войны основные положения Гагской конвенции 1907 года были целиком признаны международным сообществом вне зависимости от того, присоединилось ли к этой конвенции то или иное конкретное государство. Другими словами, к 1939 году содержание этой Конвенции уже стало частью универсального общего международного права. Совершенно очевидно, что действия заявителя 27 мая 1944 г. являлись серьезными нарушениями законов и обычаев войны, установленных Гагской конвенцией. Неважно, являлись ли они также военными преступлениями, поскольку согласно действовавшему в то время международному праву государства могли по своему усмотрению определять в своем законодательстве характер таких деяний и устанавливать ответственность за их совершение. В любом случае, по национальному законодательству, подлежавшему применению в 1944 году, они считались преступлениями. Наконец, к тому времени, когда заявителю было предъявлено обвинение, когда состоялся суд над ним и ему было назначено наказание (с 1998 года по 2004 год), соответствующие положения международного права однозначно считали такие действия уголовно наказуемыми, исключали применение к ним срока давности и предусматривали ясную и конкретную обязанность государств, в том числе и Латвии, устранив суд над преступниками и наказывать их.

83. Второй вопрос, сформулированный государством-ответчиком, заключается в том, считалось ли поведение заявителя преступлением по национальному законодательству, применявшемуся в то время на территории Латвии. Государство-ответчик отвечает на этот вопрос утвердительно. По его мнению, согласно статье 193-18 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года действия заявителя образовывали состав «воинского преступления» и карались смертной казнью¹. Упомянутый Кодекс был введен в действие на территории Латвии Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 6 ноября 1940 г. Следовательно, Кодекс был применим к заявителю с точки зрения действия закона как в пространстве, так и по кругу лиц (как к комбатанту, сражавшемуся в рядах Советской Армии). Статья 193-18 сформулирована достаточно ясно и четко, чтобы дать заявителю возможность понять и соизмерить последствия своих действий.

84. Далее, государство-ответчик подчеркивает, что уголовная ответственность за состав преступления, образованный действиями, являющимися предметом спора, сохранилась в послевоенном законодательстве и была предусмотрена статьей 256 Уголовного кодекса 1961 года. Поэтому ни в какой момент времени заявитель не мог считать, что законодатель решил отменить уголовную ответственность за эти действия. Действительно, эта преемственность была временно нарушена Законом от 10 сентября 1991 г., изменившим статью 256 таким образом, что военные преступления в течение некоторого времени формально не пре-

следовались в уголовном порядке. Однако прошло совсем немного времени, и 6 апреля 1993 г. законодатель включил в Уголовный кодекс новую главу о военных преступлениях и преступлениях против человечества, где действия, являющиеся предметом спора, вновь стали образовывать состав преступления и уголовная ответственность за их совершение была восстановлена. По мнению государства-ответчика, нарушение преемственности никоим образом не означает, что Латвия отказалась от своего намерения привлечь виновных к ответственности, тем более что международные конвенции обязывали ее это сделать.

85. Наконец, государство-ответчик обращает внимание на то, что преемственность существовала не только в отношении юридической квалификации деяний, о которых идет речь, но и в отношении неприменимости к ним срока давности. Уголовный кодекс 1926 года уже предусматривал исключения из правила о сроках давности, а Уголовный кодекс 1961 года распространил его на все преступления, карающиеся смертной казнью, в том числе, следовательно, и на то преступление, которое совершил заявитель. Кроме того, в то время, когда Латвия входила в состав СССР, то есть с 1940 по 1991 год, законные власти Латвии объективно не могли осуществлять свои суверенные полномочия на территории страны. Поэтому они не могли возбудить в отношении заявителя уголовное дело или применить в его случае правило о сроках давности. Зато как только независимость Латвии была восстановлена, страна начала процесс расследования военных преступлений и преступлений против человечества и привлечения к уголовной ответственности совершивших их лиц.

86. Третий вопрос, с точки зрения государства-ответчика, заключается в том, являются ли действия заявителя 27 мая 1944 г. «уголовно наказуемым деянием в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами». По этому вопросу государство-ответчик также отмечает, что основополагающие принципы *jus in bello* в том виде, в каком они были кодифицированы Гагской конвенцией 1907 года, стали составной частью международного обычного права еще до 1939 года. Следовательно, в настоящем деле применяется первый, а не второй абзац статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако на тот случай, если Европейский Суд не согласится с этой позицией, государство-ответчик утверждает, что вынесение заявителю обвинительного приговора охватывается исключением, предусмотренным в пункте 2 статьи 7 Конвенции.

87. Четвертый вопрос заключается в том, должен ли был заявитель 27 мая 1944 г. знать, что его действия объективно являлись уголовно наказуемыми. Государство-ответчик утверждает, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Во-первых, если посмотреть на дело с точки зрения понятий «обычного человека», каждый знает, что пытаться и убивать безоружных людей — мать и отца малолетних детей и пожилую женщину — и заживо сжигать беременную мать преступно и противоречит самым основополагающим принципам человечности. Во-вторых, будучи командиром отряда, заявитель должен был отдавать себе отчет в том, что он несет ответственность за действия своих подчиненных, обязан был следить за ними и наказывать их за любой проступок.

88. Наконец, в-третьих, государство-ответчик ссылается на некоторые меры, предпринятые советскими властями с начала войны для того, чтобы привлечь к суду и наказать отдельных немецких военных преступников, в особеннос-

¹ Статья 193-18 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года гласит:

«Противозаконное насилие над гражданским населением, учиненное военнослужащими в военное время или при боевой обстановке, влечет за собой применение мер социальной защиты в виде лишения свободы со строгой изоляцией не ниже трех лет, а при отягчающих обстоятельствах — высшую меру социальной защиты» (*примечание редакции*).

ти Харьковский процесс, который состоялся примерно за шесть месяцев до того, как заявителю было предъявлено обвинение (см. выше, пункты 71—75 настоящего постановления). Все эти меры получили широкое освещение в средствах массовой информации и в СССР, и за рубежом, в том числе и в официальном печатном органе Красной Армии. Поэтому заявитель не мог не знать, что он совершает те же действия, за которые многим немцам уже были вынесены обвинительные приговоры.

89. Заявитель утверждал, будто бы он не мог предвидеть, что однажды обстоятельства сложатся таким образом, что он предстанет перед судом по обвинению в совершении преступления. По словам государства-ответчика, этот довод был опровергнут постановлением Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии» [*Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*] (постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы № 34044/96, № 35532/97 и № 44801/98, § 79—83 и 88—89, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II). В любом случае надежда заявителя на то, что по политическим соображениям он останется безнаказанным, или даже его уверенность в этом не являются достаточным основанием для того, чтобы не выносить ему обвинительного приговора. Ссылаясь по этому поводу на немецкого теоретика права Рудольфа фон Иеринга, государство-ответчик утверждает, что в основе принципа верховенства права лежит формальное значение формулировок юридических норм. Если ставить целью сохранение верховенства права, то их объективное значение должно оставаться независимым и в конечном счете быть строго отделено от любого субъективного и произвольного толкования, неважно, в какой мере оно преобладало в качестве «государственной практики» — тем более если преобладающее произвольное толкование «закона в (без)действии», противоречащее писаному праву, вызвано столкновениями исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти в государстве. Сохранять в праве деление на объективное и субъективное — единственный способ гарантировать, что никто не будет стоять над ним.

90. Пятый вопрос, сформулированный государством-ответчиком, заключается в том, возможно ли в сфере военных преступлений говорить об ответственности личности, не затрагивая при этом вопрос об ответственности государства. На него государство-ответчик также отвечает утвердительно. По его мнению, хотя ответственность государства и ответственность личности не являются взаимно исключающими, они не являются и взаимозависимыми, так как преследуют две разные цели: первый вид ответственности устраняет вредные последствия и примиряет нации, а второй обеспечивает законность и позволяет избежать безнаказанности. Государство-ответчик обращает внимание на то, что именно принцип ответственности личности, а не принцип ответственности государства послужил основанием для создания Международного военного трибунала по бывшей Югославии, Международного военного трибунала по Руанде и Международного уголовного суда.

91. Наконец, шестой и последний вопрос, заданный государством-ответчиком, заключается в том, имела ли Латвия право привлекать заявителя к суду за нарушения законов и обычаев войны. В связи с этим государство-ответчик цитирует решение, вынесенное Постоянной палатой международного правосудия 7 сентября 1927 г. по делу о военном корабле «Лотос» (Сборник решений Постоянной палаты международного правосудия [*Collection of Judgments of the PCIJ*], Серия «А», № 10), в котором указывалось: вопрос заключается не в том, разрешается ли государству осуществлять свою юрисдикцию по уголовному делу, а в том, есть ли какие-либо препятствия, мешающие ему это

сделать. В настоящем деле ничто не мешало Латвии начать уголовное преследование и привлечь к суду одного из своих собственных граждан за преступление, совершенное на ее собственной территории. Далее, Латвия была не только вправе, но и обязана — и в правовом, и в моральном отношении — предать суду лиц, виновных в совершении военных преступлений в отношении своих собственных граждан.

92. Кроме того, государство-ответчик подчеркивает важность такого рода процессов для восстановления демократии, установления исторической истины и гарантирования правосудия жертвам преступлений против человечества и военных преступлений. В связи с этим государство-ответчик ссылается на выводы, к которым пришел Европейский Суд по делу «Кольк и Кислый против Эстонии» [*Kolk and Kislyi v. Estonia*] (решение Европейского Суда, жалобы № 23052/04 и № 24018/04, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006-I). По мнению государства-ответчика, несмотря на все проблемы практического плана, с которыми столкнулись власти Латвии, эти процессы очень важны, так как они помогают восполнить недостатки Нюрнбергского процесса, который во многом давал пример правосудия победителей: к ответственности за свои преступления были привлечены фашисты, в то время как вопиющие преступления Союзных держав остались безнаказанными.

93. Принимая во внимание эти доводы, государство-ответчик считает, что действия заявителя 27 мая 1944 г. образывали «состав преступления по национальному законодательству [и] международному праву» по смыслу положений пункта 1 статьи 7 Конвенции и что, в любом случае, эти действия «[являлись] уголовно наказуемыми в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами» по смыслу положений пункта 2 статьи 7 Конвенции. Следовательно, по настоящему делу требования статьи 7 Конвенции нарушены не были.

2. Доводы заявителя

94. Заявитель не согласен с доводами государства-ответчика. Прежде всего, он утверждает, что квалификация его действий латвийскими судами основывалась на ошибочном убеждении, что Латвия в то время была незаконно оккупирована СССР, а заявитель являлся представителем оккупационных сил. По его мнению, в 1940 году Латвия на законных основаниях вошла в состав Советского Союза; соответственно люди, проживавшие на этой территории, включая его самого и жителей деревни Малые Баты, стали гражданами СССР. С другой стороны, в 1941 году Латвия была оккупирована фашистской Германией, и заявитель, будучи советским гражданином, всего лишь защищал свою страну от оккупантов, сражаясь на своей собственной земле. Даже если смотреть на это с субъективной точки зрения, он действовал как защитник своей родины, а не как захватчик. Действительно, в то время не было отдельной латвийской армии, которая сражалась бы против Советского Союза. Поэтому заявитель выступает против теории «двойной оккупации», которой придерживаются власти Латвии. В своих замечаниях, представленных после вынесения решения о приемлемости его жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу, заявитель добавил, что, по его мнению, эти вопросы в действительности не имеют никакого отношения к настоящему делу.

95. Заявитель считает, что вынесение ему обвинительного приговора противоречит требованиям статьи 7 Конвенции, так как оно не охватывается ни одним из трех предусмотренных в этой статье исключений. Его действия по отношению к жителям деревни Малые Баты не являлись преступлением ни по международному праву, ни по национальному зако-

нодательству, действовавшему в то время; не являлись они и «уголовно наказуемыми в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

96. В связи с этим заявитель утверждает, что нормы международного права, на которые ссылается государство-ответчик, не применимы в его деле. Он признает, что он сам и члены его группы подпадают под определение комбатантов в международном праве. Однако он, в отличие от государства-ответчика, считает, что девять жителей деревни Малые Баты, убитых 27 мая 1944 г., тоже были «комбатантами», а не «гражданскими лицами». Из решения Латгальского окружного суда от 3 октября 2003 г. ясно следует, что эти девять человек сотрудничали с немецкой военной администрацией и поддерживали фашистский оккупационный режим, снабжавший их оружием и боеприпасами (см. выше, пункты 41—42 настоящего постановления). Это и не могло быть иначе, так как обычные мирные жители, проживающие на территории, оккупированной фашистской Германией, подлежали немедленному уничтожению, если у них находили оружие. В любом случае сотрудничество жителей деревни с фашистами лишило их статуса «гражданских лиц» и иммунитета. Будучи вооружены, жители деревни Малые Баты представляли собой реальную опасность для «красных партизан», а их численность была сопоставима с численностью отряда или небольшого подразделения регулярной армии.

97. Заявитель признает, что в 1944 году Положение, приложенное к Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, стало частью международного права, повсеместно признанного международным сообществом. Однако в нем используются такие термины, как «неприятель» и «неприятельская держава или <...> армия». Жители деревни Малые Баты — такие же советские граждане, как сам заявитель и его товарищи, — не были «неприятелями». Другими словами, ни упомянутое выше Положение, ни устав Нюрнбергского трибунала не применяются к действиям членов вооруженной группы по отношению к своим согражданам. Далее, согласно статье 6 устава Нюрнбергского трибунала, этот устав распространяется лишь на военных преступников «европейских стран оси», которые жестоко обращались с «гражданским населением оккупированной территории». Заявитель, понятно, к ним не относится. Наконец, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года не имеет обратной силы. Даже если допустить, что ей можно было бы придать обратную силу, то и в этом случае следует прийти к таким же выводам, как и в отношении Гагской конвенции. В общем, заявитель полагает, что он стал жертвой применения нормы уголовного права по аналогии, а это, по его мнению, недопустимо.

98. Во-вторых, в отличие от государства-ответчика, заявитель считает, что его действия не образовывали состав преступления по национальному законодательству, подлежащему применению в 1944 году. В Уголовном кодексе Советской России 1926 года, действовавшем в то время, абсолютно ничего не говорилось о военных преступлениях. Статья 193-18, на которую ссылается государство-ответчик, на самом деле предусматривает наказание за совершение «воинского преступления» и включена в главу о воинских преступлениях. Между военными преступлениями и воинскими преступлениями есть существенное различие, поскольку к последней категории преступлений относятся обычные нарушения установленного порядка прохождения военной службы, и к ним применяются сроки давности. Кроме того, 27 мая 1944 г. заявитель всего лишь выполнял приказы своих командиров. Если бы он послушался, он сам мог бы подвергнуться смертной казни за неповиновение. Далее, заявитель обращает внимание на то, что по Уголовно-

му кодексу 1926 года он не подлежит никакому наказанию, тогда как девять человек, убитых в деревне Малые Баты, совершили государственную измену по отношению к своей стране (СССР).

99. Заявитель указывает на то, что после войны он не только не подвергся преследованию за преступления, которые он якобы совершил, а, наоборот, был награжден орденом Ленина — высшей советской государственной наградой. По его мнению, это свидетельствует о том, что он не совершал никаких преступлений по действовавшему в то время уголовному законодательству Латвии.

100. В-третьих, заявитель утверждает, что его действия 27 мая 1944 г. не являлись «уголовно наказуемыми в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами». По этому поводу он поясняет, что он сражался против фашистских оккупантов в составе вооруженных сил государства — участника антигитлеровской коалиции и что его жертвы были не мирными жителями, а комбатантами, вооруженными противником. По его мнению, «нет достаточных оснований ставить под сомнение законное право партизан, которые сражались в тылу хитрого и жестокого противника, не уважавшего законов и обычаев войны, карать смертью вооруженных пособников фашистов». Кроме того, заявитель подчеркивает, что ни он, ни его подчиненные не разграбляли деревню Малые Баты. Что касается оружия и боеприпасов, которые жители этой деревни получили от немцев, то здесь идет речь о законном военном трофее.

101. Заявитель полагает, что, вообще говоря, он стал жертвой историко-политических процессов, не зависящих от его воли. Во-первых, вопреки утверждениям государства-ответчика, он не мог в то время предвидеть, что однажды он будет привлечен к ответственности за свои действия. Заявитель признает, что он знал об осуждении немецких военных преступников, но никогда не мог бы себе представить, что он сам предстанет перед судом за то, что сражался против немецкой армии. Во-вторых, в 1944 году он искренне и добросовестно был убежден, что включение Латвии в состав СССР за четыре года до этого было абсолютно законно; что никогда не было никакой «советской оккупации»; что он, следовательно, стал советским гражданином и защищал свою страну, СССР, от фашистских захватчиков. Лишь в 1990 году — намного позже якобы совершенных им преступлений — Верховный Совет Латвии принял декларацию «О восстановлении независимости», в которой включение Латвии в состав СССР признавалось незаконным и недействительным. Более того, парламент Латвии принял декларацию «Об оккупации Латвии», подтвердив тем самым теорию «двойной оккупации», только через шесть лет. Заявитель был не в состоянии предвидеть принятие этих деклараций. По его мнению, единственным реальным основанием вынесения ему обвинительного приговора были эти два политических документа, которые, очевидно, в нарушение основополагающих требований Конвенции не обладали свойствами закона.

102. Далее, заявитель не согласен с доводом государства-ответчика, что индивидуальная ответственность за военные преступления может наступать независимо от ответственности соответствующего государства. По его мнению, «прежде чем привлекать к суду тех, кто выполнял желания государства, как военных преступников, необходимо установить, что у этого государства были преступные намерения». Поскольку никаким международным органом, аналогичным Нюрнбергскому трибуналу, не была установлена незаконность действий СССР на территории Латвии, заявитель утверждает, что латвийские суды не вправе были приходить в своих решениях к таким выводам.

103. Наконец, заявитель говорит, что он не действовал «на оккупированной неприятелем территории» и поэтому

по определению не мог быть виновен в совершении военного преступления. На тот случай, если Суд с этим не согласится, заявитель утверждает: даже если предположить, что он совершил одно или несколько преступлений по общему праву, в отношении них давно истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Соответственно по его делу имело место нарушение требований статьи 7 Конвенции.

3. Доводы государства, вступившего в производство по делу в качестве третьей стороны

104. Российская Федерация, по существу, согласна с доводами заявителя. Ее доводы сводятся к тому, что латвийским судам не следовало применять по аналогии устав Нюрнбергского трибунала, целью которого являлось привлечение к ответственности за преступления стран оси на оккупированной территории, к заявителю, сражавшемуся на стороне антигитлеровской коалиции в своей собственной стране, СССР. Подобная расширительная трактовка действия Устава недопустима и явно противоречит приговору Нюрнбергского трибунала, на котором основана вся послевоенная политико-правовая система.

105. Российская Федерация, как и заявитель, обращает особое внимание на различие между военными преступлениями (по смыслу положений устава Нюрнбергского трибунала) и воинскими преступлениями (по советскому законодательству). Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года не было статьи, аналогичной статье 68-3 Уголовного кодекса Латвии, на основании которой заявителю был вынесен обвинительный приговор. Даже если предположить, что заявитель действительно совершил преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Латвии, в отношении него давно истек срок давности в силу статьи 14 этого Кодекса. В отношении наиболее тяжких преступлений срок давности составляет десять лет, и следует считать, что он истек в 1954 году; соответственно заявителя уже нельзя привлекать к суду за его действия. Вынесение ему обвинительного приговора на основании статьи 68-3 Уголовного кодекса — результат того, что соответствующим нормам уголовного права была придана обратная сила.

106. Российская Федерация согласна с утверждением заявителя, что девять его жертв были не «мирными жителями», а «комбатантами». В любом случае они серьезно злоупотребили своим статусом гражданских лиц, оказав активную поддержку одной из воюющих сторон и получив оружие. Когда бойцы отряда под командованием майора Чугунова укрылись в сарае Мейкула Крупника, жители деревни могли бы выгнать их оттуда и отказаться предоставлять им убежище, опасаясь они за свою безопасность. Вместо этого они решили выдать их немцам. Приведенное соображение относится и к трем женщинам, которые в этом участвовали. Утверждение, что жители деревни Малые Баты были вправе получить оружие от гитлеровских оккупантов, чтобы использовать его для «самообороны» от партизан, сражавшихся против фашистов, нелогично, так как эти партизаны были такими же советскими гражданами, как и они сами, и неприемлемо, так как оно противоречит духу приговора Нюрнбергского трибунала. Сотрудничество с преступным фашистским режимом ни при каких обстоятельствах не может быть легитимным.

107. Российская Федерация подчеркивает, что жителям деревни не была «устроена резня», а они были «казнены» после того, как в отношении них вынес приговор военный трибунал, созданный в соответствии с законами войны, и что наказание, которому они подверглись, было справедливым

и соответствовало тяжести совершенного ими преступления. Следовательно, операция 27 мая 1944 г. по самой своей природе имела в высшей степени избирательный характер, так как она была направлена против девяти конкретных лиц, совершивших государственную измену, а не против остальных жителей деревни, которых справедливо оставили в покое.

V. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Обстоятельства дела и их юридическая квалификация

108. Предварительно Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик оспаривает правомочие Суда ставить под сомнение выводы латвийских судов по вопросам факта и вопросам права. В связи с этим Европейский Суд вновь подтверждает, что в соответствии со статьей 19 Конвенции его единственной обязанностью является обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Договаривающимися Сторонами — участниками Конвенции. Следовательно, в соответствии с принципом субсидиарности, неотделимым от системы защиты прав личности, установленной Конвенцией, установление обстоятельств дела и толкование национального законодательства в принципе относится к исключительной компетенции национальных судов. Европейский Суд не может ставить под сомнение оценку, произведенную национальными властями, за исключением случаев очевидного и явного произвола (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсиа Руиз против Испании» [*García Ruiz v. Spain*], жалоба № 30544/96, § 28—29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-I). Это общее правило, изначально сформулированное применительно к пункту 1 статьи 6 Конвенции, защищающему право на справедливое судебное разбирательство, применяется ко всем материально-правовым положениям Конвенции (см., в числе прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сысоева и другие заявители против Латвии» [*Sisojeva and Others v. Latvia*], жалоба № 60654/00, § 89, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 — ..., а также постановление Европейского Суда от 12 июля 2007 г. по делу «Акционерное общество “Диена” и Озолиньш против Латвии» [*a/s Diena and Ozoliņš v. Latvia*], жалоба № 16657/03, § 66).

109. Указанное правило применяется и в тех случаях, когда национальное законодательство ссылается на нормы общего международного права или международных соглашений. Когда национальные суды осуществляют толкование этих норм, роль Европейского Суда ограничивается установлением того, не нарушают ли Конвенцию последствия такого толкования (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» [*Waite and Kennedy v. Germany*], жалоба № 26083/94, § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-I).

110. Однако ситуация меняется, когда на внутригосударственное право непосредственно ссылается не национальное законодательство, а сама Конвенция. В таких случаях несоблюдение национального законодательства может само по себе привести к нарушению Конвенции. Соответственно в силу принципа *jura novit curia*¹ Европейский Суд может и должен контролировать соблюдение этих норм (см., в числе многих других источников, постановление Европейского Суда от 10 июня 1996 г. по делу «Бенхэм против Соединен-

¹ *Jura novit curia* (лат.) — суд знает законы; положение римского права, воспринятое современными правовыми системами, согласно которому стороны не обязаны доказывать в суде существование той или иной правовой нормы или ее действительность (примечание редакции).

ного Королевства» [*Benham v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1996-III, с. 753, § 41, а также постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против России» [*Gusinskiy v. Russia*], жалоба № 70276/01, § 66, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2004-IV). Именно этот принцип используется, когда речь идет о статье 7 Конвенции, так как применение нормы национального уголовного права к деянию, которое этой нормой не охватывается, явно входит в противоречие с Конвенцией. В таких обстоятельствах Суд должен иметь право решать, была ли соблюдена соответствующая уголовно-правовая норма, так как в противном случае статья 7 Конвенции оказалась бы лишена всякой цели (см., в числе прочих источников, решение Комиссии по правам человека от 24 сентября 1963 г. по делу «X. против Федеративной Республики Германии» [*X. v. Federal Republic of Germany*], жалоба № 1169/61, Ежегодник по правам человека [*Yearbook*], № 6, с. 520, а также решение Комиссии по правам человека от 22 апреля 1965 г. по делу «X. против Австрии» [*X. v. Austria*], жалоба № 1852/63, Ежегодник по правам человека [*Yearbook*], № 8, с. 198). Суд полагает, что именно этот принцип действует в ситуациях, в которых, как в настоящем деле, национальные суды применяли нормы международного права.

111. Далее, в настоящем деле необходимо тщательно разграничивать существование фактов и их юридическую квалификацию. Относительно выводов латвийских судов по вопросам права Европейский Суд уже пришел к выводу, что процедура, посредством которой был осужден заявитель, соответствует требованиям справедливого судебного разбирательства, предъявляемым пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. решение по вопросу о приемлемости настоящей жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу от 20 сентября 2007 г.). В этой ситуации у Суда нет оснований оспаривать основанное на фактах описание событий, произошедших в деревне Малые Баты, которое содержалось во вступившем в силу приговоре суда первой инстанции (то есть в решении Коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвии от 30 апреля 2004 г.), оставленном без изменения Сенатом Верховного суда Латвии. Напротив, Суд может и должен рассмотреть квалификацию этих событий по национальному законодательству и международному праву, для того чтобы определить, соблюдались ли в отношении заявителя гарантии, установленные статьей 7 Конвенции. При выполнении этой задачи Суд вправе квалифицировать обстоятельства дела, вытекающие из представленных ему доказательств, иначе, чем заявитель, либо в случае необходимости по-другому оценивать эти обстоятельства. Кроме того, Суд должен принимать во внимание не только первоначально поданную жалобу, но и дополняющие ее документы, предназначенные для того, чтобы придать ей законченный вид, устранив первоначальные пробелы и неясности (см., в числе прочих источников, постановление Европейского Суда от 10 декабря 1982 г. по делу «Фоти и другие заявители против Италии» [*Foti and Others v. Italy*], серия «А», № 56, с. 15, § 44, а также постановление Европейского Суда по делу «Рехбок против Словении» [*Rehbock v. Slovenia*], жалоба № 29462/95, § 63, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-XII).

112. Наконец, Европейский Суд отмечает, что стороны и государство, вступившее в производство по делу в качестве третьей стороны, придают большое значение некоторым вопросам общего характера, в частности вопросу о законности включения Латвии в состав Советского Союза в 1940 году с точки зрения международного публичного права и конституционного права, а также вопросу о том, в какой мере оно отразилось на правовом статусе заявителя

и жителей деревни Малые Баты по состоянию на 27 мая 1944 г. В связи с этим Суд вновь заявляет, что он по мере возможности не станет выражать свое мнение по вопросам сугубо исторического характера, которые не входят в его компетенцию; тем не менее он может принять некоторые общеизвестные исторические истины и положить их в основу своих рассуждений (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» [*Zdanoka v. Latvia*], жалоба № 58278/00, § 96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006 — ...). Тем не менее в настоящем деле Суд считает, что рассматривать эти вопросы нет необходимости, так как они не только не играют в деле решающей роли, но и вообще не имеют к нему отношения.

2. Вопросы, имеющие отношение к существу жалобы

(а) Общие принципы

113. Гарантии, предусмотренные статьей 7 Конвенции, являются неотъемлемым принципом верховенства права и занимают важнейшее место в конвенционной системе защиты прав человека. Подтверждением этого является тот факт, что, согласно статье 15 Конвенции, в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах не допускается никаких отступлений от обязательств, вытекающих из этой статьи. Как следует из объекта и цели данной статьи, ее следует толковать и применять таким образом, чтобы дать эффективные гарантии, препятствующие произвольному уголовному преследованию лица, его осуждению и наказанию (см. постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 г. по делу «S.W. против Соединенного Королевства» [*S.W. v. the United Kingdom*], серия «А», № 335-В, с. 41, § 34, а также постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 г. по делу «C.R. против Соединенного Королевства» [*C.R. v. the United Kingdom*], серия «А», № 335-С, с. 68, § 32).

114. Из устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда вытекают следующие общие принципы, касающиеся толкования пункта 1 статьи 7 Конвенции:

(а) Статья 7 Конвенции закрепляет, помимо прочего, принцип, согласно которому лишь закон может определять состав преступления и устанавливать за него наказание (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Поэтому первоочередная задача Европейского Суда заключается в том, чтобы установить, была ли в национальном законодательстве или в международном праве предусмотрена ответственность за действия обвиняемого, которые привели к возбуждению в отношении него уголовного дела или к вынесению ему обвинительного приговора, во время совершения им этих действий. Рассуждая аналогичным образом, можно сказать, что статья 7 Конвенции запрещает, во-первых, распространять состав уже существующих преступлений на действия, которые ранее не являлись уголовно наказуемыми, и, во-вторых, расширительно толковать уголовно-правовые нормы в ущерб обвиняемому, например, по аналогии (см., в числе прочих источников, постановление Европейского Суда по делу «Коэм и другие заявители против Бельгии» [*Coëme and Others v. Belgium*], жалобы № 32492/96, № 32547/96, № 32548/96, № 33209/96 и № 33210/96, § 145, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-VII).

(б) Преступления и санкции, полагающиеся за их совершение, должны быть четко определены в законодательстве (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ашур против Франции» [*Achour v. France*], жалоба № 67335/01, § 41, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006 — ...). Это условие выполняется,

когда человек может, исходя из формулировки соответствующей статьи, определить, прибегнув в случае необходимости к ее судебному толкованию, за какие действия или бездействие он может быть привлечен к уголовной ответственности (постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Кантони против Франции» [*Cantoni v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-V, с. 1627, § 29). Понятие «право», употребляющееся в статье 7 Конвенции, соответствует аналогичному понятию, которое используется в других статьях Конвенции, и охватывает писаное право, равно как и судебную практику, предполагая качественные требования, в том числе требования доступности и предсказуемости (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Коэм и другие заявители против Бельгии»).

(с) Тем не менее, как бы четко ни были сформулированы правовые нормы, в том числе и нормы уголовного права, в любой правовой системе неизбежно присутствует элемент их судебного толкования. Всегда будет существовать необходимость прояснения неясных моментов и адаптации правовых норм к меняющимся обстоятельствам. В самом деле, в государствах — участниках Конвенции прогрессивное развитие уголовного права посредством судебного правотворчества общепризнанно и является необходимым элементом правовой традиции. При толковании статьи 7 Конвенции нельзя прийти к выводу, что она запрещает постепенное прояснение правил привлечения к уголовной ответственности посредством судебного толкования, осуществляемого в каждом конкретном деле, учитывая, что его результат соответствует характеру совершенного преступления и можно с достаточными основаниями его предвидеть (упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 50).

(d) Объем понятия предсказуемости в значительной степени зависит от содержания соответствующего нормативного правового акта, от отношений, на которые он распространяется, а также от количества лиц, которым он адресован, и от их статуса. Закон может отвечать требованию предсказуемости даже тогда, когда заинтересованное лицо вынуждено обратиться за соответствующей юридической консультацией, чтобы оценить в разумной в обстоятельствах дела степени возможные последствия того или иного действия. В особенности это относится к лицам, занимающимся профессиональной деятельностью, которые при исполнении своих обязанностей должны действовать с большой осторожностью. В связи с этим можно ожидать, что они особенно тщательно подойдут к оценке опасностей, связанных с такого рода деятельностью (постановление Европейского Суда от 10 октября 2006 г. по делу «Пессино против Франции» [*Pessino v. France*], жалоба № 40403/02, § 33).

(e) Согласно общим принципам права, подсудимые не могут оправдывать действия, за совершение которых им был вынесен обвинительный приговор, просто показывая, что они фактически имели место и поэтому вошли в обиход. Следовательно, государственная практика, заключающаяся в том, чтобы терпеть или поощрять определенные действия, которые по национальному или международному праву считаются преступлениями, и чувство безнаказанности, которое такая практика порождает в тех людях, которые их совершают, не препятствуют тому, чтобы предавать этих людей суду и назначать им наказание (упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 74, § 77—79 и § 87—88).

(f) В случае правопреемства государств или изменения политического режима на территории страны государство, руководствующееся принципом права, может на абсолютно законных основаниях возбудить уголовное дело в отношении лиц, совершивших преступления при прежнем режиме;

аналогичным образом суды этого государства, пришедшие на смену судам, которые существовали ранее, нельзя критиковать за применение и толкование действовавших в то время правовых норм с точки зрения принципов правового государства (там же, § 81, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К.-Н.В. против Германии» [*K.-H.W. v. Germany*], жалоба № 37201/97, § 84, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II (извлечения)).

115. Относительно пункта 2 статьи 7 Конвенции конвенционные органы заявляли следующее:

(а) пункт 2 статьи 7 Конвенции, касающийся «осуждения и наказания любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами», представляет собой исключение из общего принципа, сформулированного в пункте 1 этой статьи. Таким образом, эти два пункта взаимосвязаны, и толкование одного из них не должно противоречить толкованию другого (решение Европейского Суда от 12 декабря 2002 г. по делу «Тесс против Латвии» [*Tess v. Latvia*], жалоба № 34854/02).

(b) Как показывает история разработки Конвенции, целью пункта 2 статьи 7 Конвенции является уточнить, что статья 7 не относится к законам, принятым в совершенно исключительных обстоятельствах в конце Второй мировой войны в целях пресечения военных преступлений, предательства и сотрудничества с противником; соответственно она никоим образом не осуждает эти законы с юридической или моральной точки зрения (решение Комиссии по правам человека от 20 июля 1957 г. по делу «X. против Бельгии» [*X. v. Belgium*], жалоба № 268/57, Ежегодник по правам человека [Yearbook], № 1, с. 241). Эта логика применима и к совершенным в то время преступлениям против человечества (решение Комиссии по правам человека от 13 января 1997 г. по делу «Тувье против Франции» [*Touvier v. France*], жалоба № 29420/95, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [DR] 88, с. 148; а также решение Европейского Суда по делу «Папон против Франции (№ 2)» [*Papon v. France (no. 2)*], жалоба № 54210/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-XII (извлечения)).

(b) Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

(i) К пункту 1 статьи 7 Конвенции

116. Принимая во внимание изложенные выше принципы, Европейский Суд отмечает, что в его задачи не входит высказывать свое мнение об индивидуальной уголовной ответственности заявителя, поскольку оценка этого вопроса должна производиться в первую очередь национальными судами. Единственная задача Европейского Суда — ответить на вопрос, являлись ли с точки зрения пункта 1 статьи 7 Конвенции действия заявителя 27 мая 1944 г. преступлениями, состав которых был определен в национальном законодательстве или в международном праве с достаточной степенью осознанности и предсказуемости (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К.-Н.В. против Германии», § 46).

а. В том, что касается международного права

117. Европейский Суд отмечает, что заявителю было назначено наказание в виде лишения свободы согласно статье 68-3 прежнего Уголовного кодекса, введенной в действие Законом «О военных преступлениях» от 6 апреля

1993 г. Несмотря на то что эта статья содержала лишь общий перечень уголовно наказуемых деяний, таких, как убийство, пытки и мародерство, она непосредственно ссылалась на «соответствующие конвенции», дающие точное определение такого рода деяний (см. выше, пункт 53 настоящего постановления). Следовательно, вынесенный заявителем обвинительный приговор основывался на нормах международного, а не национального права и, по мнению Суда, должен рассматриваться прежде всего с этих позиций.

118. Следующий момент, который следует отметить, заключается в том, что в приговоре от 30 апреля 2004 г., оставленном без изменения судом второй инстанции, Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии квалифицировала действия заявителя со ссылкой на три международных договора — Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года (или, если говорить конкретнее, приложенного к ней Положения), Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны 1949 года и, наконец, Дополнительный протокол к этой Конвенции, принятый в 1977 году. Из этих трех договоров лишь Гаагская конвенция существовала и действовала на момент совершения предполагаемых преступлений в 1944 году. Два других договора были заключены позднее и не содержали никаких оговорок о придании им обратной силы.

119. Сенат Верховного суда Латвии предположил, что Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года разрешает придавать обратную силу двум последним международным договорам (см. выше, пункт 69 настоящего постановления). По этому поводу Европейский Суд отмечает, что ему трудно понять это предположение, так как данная Конвенция касается лишь сроков давности и в ней ничего не сказано об обратной силе. Действительно, Суд полагает, что в таких делах, в которых, как в настоящем деле, национальное уголовное законодательство отсылает к определению состава преступления в международном праве, нормы национального законодательства и международного права фактически образуют единую уголовно-правовую норму, на которую распространяются гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 7 Конвенции. Соответственно эта статья Конвенции не позволяет придавать международному договору обратную силу, чтобы считать какое-либо действие или бездействие преступлением.

120. Европейский Суд отмечает, что ни СССР, ни Латвия не подписали Гаагскую конвенцию 1907 года. Следовательно, в соответствии с оговоркой о распространении действия, которая содержится в статье 2 этой Конвенции, с формальной точки зрения она не применяется в обстоятельствах вооруженного конфликта, о котором идет речь в настоящем деле. Тем не менее, как заявил Международный военный трибунал в Нюрнберге в своем приговоре от 1 октября 1946 г., текст этой Конвенции представляет собой кодификацию обычных норм, которые в 1939 году — на момент начала Второй мировой войны — «были признаны всеми цивилизованными странами» (см. выше, пункт 61 настоящего постановления). Кроме того, в своем приговоре от 12 ноября 1949 г. Международный военный трибунал по Дальнему Востоку отметил: «Конвенция остается убедительным доказательством обычного права народов» (см. выше, пункт 64 настоящего постановления). Далее, Суд отмечает, что Конвенция 1907 года почти дословно воспроизводит текст Гаагской конвенции 1899 года, которая, согласно намерению, выраженному в Преамбуле ее составителями, представляет собой, по крайней мере частично, кодификацию некоторых ранее существовавших принципов права народов. Эти принципы получили широкое признание

уже к концу XIX века, и нет никаких оснований ставить под сомнение универсальный характер, который они приобрели к середине XX века, во время Второй мировой войны. Следует также обратить внимание на то, что, как Суд уже отмечал, для целей пункта 1 статьи 7 Конвенции понятие «право» охватывает в принципе как писаное, так и неписаное право (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К.-Н.В. против Германии», § 52).

121. Заявитель утверждает, что действие Гаагской конвенции по кругу лиц [*ratione personae*] не распространяется на события, имевшие место в деревне Малые Баты, поскольку эта конвенция использует термин «неприятель», а жители деревни, убитые 27 мая 1944 г., были его согражданами. Европейский Суд не может согласиться с этим доводом. На вышеупомянутую дату район, в котором находилась данная деревня, был оккупирован вооруженными силами фашистской Германии — одной из воюющих сторон во Второй мировой войне. Он находился под управлением немецкой военной администрации и располагался в зоне боевых действий неподалеку от линии фронта. Далее, по делу не оспаривается, что заявитель и члены его группы были военнослужащими Советской Армии и, как таковые, являлись «комбатантами» по смыслу положений международного права. Поэтому надо было ожидать, что они знали об общепризнанных нормах *ius in bello* и следовали им в любых обстоятельствах. По мнению Суда, этого достаточно для того, чтобы сделать вывод о применимости материально-правовых норм Положения, приложенного к Гаагской конвенции 1907 года, к событиям, являющимся предметом спора.

122. Европейский Суд считает необязательным отдельно рассматривать вопрос о доступности норм Положения по состоянию на 27 мая 1944 г. Хотя СССР и не ратифицировал Гаагскую конвенцию, она всего лишь дублирует основные нормы обычного права, твердо признанные на тот момент сообществом наций. Поэтому Суд презюмирует, что заявитель как военнослужащий должен был знать об этих нормах. В задачи Суда не входит давать официальное толкование Гаагской конвенции или устанавливать точное значение термина «военное преступление», как он понимался в 1944 году (см., *mutatis mutandis*¹, решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бехрами и Бехрами против Франции» [*Behrami and Behrami v. France*], жалоба № 71412/01, а также решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» [*Saramati v. France, Germany and Norway*] (дела, объединенные в одно производство), § 122, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 — ...). С другой стороны, Суд должен рассмотреть вопрос о соблюдении в настоящем деле критерия предсказуемости. Точнее говоря, Суд должен определить, с объективной точки зрения, имелись ли веские правовые основания признавать заявителя виновным в совершении военного преступления и, с субъективной точки зрения, могли ли заявитель на тот момент с достаточными основаниями предвидеть, что, совершая эти действия, он становится виновным в такого рода преступлении.

123. Выполняя эту задачу, Европейский Суд считает необходимым кратко пересказать события, являющиеся предметом спора, в том виде, в котором они были установлены компетентными латвийскими судами. Днем 27 мая 1944 г. вооруженная группа «красных партизан» в немецкой военной форме под командованием заявителя совершил нападение на деревню Малые Баты, некоторые жители которой подозревались в том, что они предали и выдали немцам другой отряд «красных пар-

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

тизан». Подчиненные заявителя ворвались в шесть домов (Модеста Крупника, Мейкула Крупника, Амвросия Буля, Владислава Шкирманта, Юлиана Шкирманта и Бернарда Шкирманта соответственно) и произвели в них обыски. Обнаружив в каждом из этих домов винтовки и гранаты, выданные немецкой военной администрацией, партизаны казнили глав этих шести семей. Лишь один из них, Мейкул Крупник, не скончался от полученных ран на месте, но был серьезно ранен. Кроме того, партизаны ранили двух женщин — мать Мейкула Крупника и жену Бернарда Шкирманта. Затем они подожгли два дома и примыкавшие к ним хозяйственные постройки, которые принадлежали этим двум жителям. Четыре человека, которые на тот момент были еще живы, сгорели заживо. Всего было убито девять жителей деревни — шестеро мужчин и три женщины, одна из которых была на последнем месяце беременности. Суд отмечает, в частности, что в окончательном решении по делу латвийский суд счел недоказанным эпизод, связанный с предполагаемым мародерством в деревне Малые Баты. Следовательно, Европейский Суд должен исходить из предположения, что никакие продукты или личные вещи жителей деревни украдены не были. С другой стороны, по делу не оспаривается, что, покидая деревню, партизаны взяли с собой оружие, которое они забрали у казненных ими жителей.

124. Европейский Суд отмечает, что в решениях латвийских судов практически не затронут вопрос о том, принимал ли заявитель личное и прямое участие в событиях в деревне Малые Баты, то есть о его конкретных действиях и передвижениях во время этих событий. Хотя первоначально заявителю было предъявлено обвинение в том, что он убил Амвросия Буля и Бернарда Шкирманта, а также, по-видимому, пытал жителей деревни, впоследствии он был оправдан по этим эпизодам, и они были исключены из обвинительного заключения (см. выше, пункт 45 настоящего постановления). Поэтому, принимая во внимание принцип презумпции невиновности, закрепленный в пункте 2 статьи 6 Конвенции, Суд допускает, что заявитель не совершал указанных действий. В этих обстоятельствах, в отсутствие более четких указаний на личное участие заявителя в указанных действиях, Суд приходит к выводу, что единственное реально выдвинутое против него обвинение заключается в том, что он командовал диверсионной группой, осуществлявшей карательную экспедицию 27 мая 1944 г. Соответственно Суд должен определить, можно ли было с достаточными основаниями считать эту операцию саму по себе противоречащей законам и обычаям войны, кодифицированным Гаагской конвенцией 1907 года.

125. Для того чтобы ответить на этот вопрос, Европейский Суд должен принять во внимание, во-первых, ситуацию в районе деревни Малые Баты в 1944 году и, во-вторых, действия жителей деревни, убитых группой заявителя. Что касается общей подоплеку событий, имевших место 27 мая 1944 г., Суд допускает, что они не происходили в условиях боевых действий. Тем не менее Суд отмечает, что деревня Малые Баты находилась в то время примерно в 80 километрах от линии фронта в оккупированном фашистской Германией районе. В этот район вошли части вермахта, диверсионные группы «красных партизан» вели там подрывные действия в отношении немцев, и даже в самой деревне имели место вооруженные стычки (см. выше, пункты 14 и 22 настоящего постановления). В общем, деревня и весь район, в котором она находилась, являлись зоной боевых действий. Далее, представленные государством-ответчиком архивные документы показывают, что, кроме немецких и советских вооруженных сил, в этом районе присутствовала латвийская вспомогательная полиция, действовавшая в интересах немцев. По крайней мере в одной из деревень этого района вспомогательная полиция создала вооруженный «отряд обороны», состоящий из «вызывающих доверие людей»

из числа местных жителей, и что другим «вызывающим доверие» жителям некоторых других деревень поручили следить за подозрительными личностями, избличать «красных партизан» и доносить на них (см. выше, пункты 27 и 28 настоящего постановления).

126. Что касается девяти жертв диверсионной группы заявителя, Европейский Суд отмечает, что стороны не могут прийти к согласию об их точном статусе по действовавшему в то время международному праву. Государство-ответчик несогласно с латвийскими судами и утверждает, что жителей деревни следует считать гражданскими лицами со всеми гарантиями, вытекающими из этого статуса. Заявитель и Российская Федерация оспаривают это утверждение. Суд, в свою очередь, считает, что ситуацию с шестью мужчинами и ситуацией с тремя женщинами, погибшими в ходе событий, о которых идет речь, надо рассматривать раздельно.

127. Что касается погибших мужчин, Европейский Суд, прежде всего, отмечает: ничто в материалах дела не указывает на то, что они были шуцманами. Следовательно, соответствующие утверждения заявителя должны быть отклонены. С другой стороны, стороны согласны в том, что эти мужчины получили от немецкой военной администрации винтовки и гранаты. То, что они не носили оружие открыто на момент нападения «красных партизан», в настоящем деле значения не имеет. Как показывают материалы дела, уже невозможно доподлинно установить, почему немцы вооружили этих шестерых жителей деревни (см. выше, пункт 27 настоящего постановления). Тем не менее Суд отмечает множество согласующихся между собой свидетельств, которые могли бы помочь в этом разобраться.

128. Стороны согласны в том, что в феврале 1944 г., то есть приблизительно за три месяца до событий, о которых идет речь, вермахт разрушил сарай в деревне Малые Баты, в котором укрылся отряд «красных партизан» под командованием майора Чугунова. В ходе атаки отряд был уничтожен. Государство-ответчик вовсе не отрицает утверждение заявителя, что предательство совершили жители деревни, сообщившие немцам о том, что в сарае находятся партизаны, а именно Мейкул Крупник (владелец сарая), Бернард Шкирмант и еще три женщины. Кроме того, суды первой и второй инстанции прямо признали это либо в отношении всех шестерых мужчин, либо, по крайней мере, в отношении Мейкула Крупника (см. выше, пункты 42 и 44 настоящего постановления). Наконец, ни латвийские суды в своих решениях, ни государство-ответчик в своих замечаниях по делу не отрицали, что немецкое военное командование наградило этих людей за их поступок (см. выше, пункт 22 настоящего постановления).

129. В этом же решении Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии упомянула о том, что жители деревни Малые Баты регулярно дежурили по ночам. Это напоминает уже рассматривавшиеся выше действия вспомогательной полиции Латвии в соседних деревнях, о которых упоминается, например, в письменном приказе начальника местной полиции от 25 февраля 1944 г. (см. выше, пункт 27 настоящего постановления). В данном случае Суду достаточно сказать, что, учитывая действия этих мужчин и ситуацию в данном районе в то время, о котором идет речь, у заявителя и у других «красных партизан» были законные основания считать этих людей не «мирными жителями» — термин, который в данном деле использовал Сенат Верховного суда Латвии, — а коллаборационистами, сотрудничавшими с немецкой армией.

130. В решении от 30 апреля 2004 г. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии попыталась оправдать сотрудничество жителей деревни с немцами тем, что им надо было защищать себя и свои семьи от «красных партизан». Европейский Суд не может с этим согласиться. Во-

первых, Суд повторяет, что национал-социализм сам по себе абсолютно несовместим с базовыми ценностями, лежащими в основе Конвенции, поэтому, какие бы доводы ни приводились, Суд не может признать сколько-нибудь легитимными пронацистскую позицию или активное сотрудничество с силами фашистской Германии (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу «Леиде и Изорни против Франции» [*Lehideux and Isorni v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-VII, с. 2886, § 53, а также решение Комиссии по правам человека от 24 июня 1996 г. по делу «Марэ против Франции» [*Marais v. France*], жалоба № 31159/96, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [*DR*] 86, с. 184 и решение Европейского Суда по делу «Гароди против Франции» [*Garaudy v. France*], жалоба № 65831/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2003-IX). Во-вторых, жители деревни должны были отдавать себе отчет в том, что, поддерживая одну из воюющих сторон, они подвергали себя опасности ответных действий другой стороны.

131. Принимая во внимание изложенное выше, Европейский Суд не уверен, что шестерых мужчин, убитых 27 мая 1944 г., можно было с достаточными основаниями считать «гражданскими лицами». В связи с этим Суд отмечает, что Положение, приложенное к Гаагской конвенции 1907 года, не содержит определения понятий «гражданское лицо» или «гражданское население». В настоящем деле Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии сочла погибших жителей деревни Малье Баты «гражданскими лицами», сославшись на статью 50 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, который был принят в 1977 году. Действительно, эта статья презюмирует, что гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из указанных в ней категорий лиц, или лицо, в отношении которого существует сомнение в том, является ли оно гражданским лицом (см. выше, пункт 67 настоящего постановления). Тем не менее, как Суд уже заявлял, этому протоколу, разработанному и принятому более чем через 30 лет после событий, о которых идет речь, нельзя придавать обратную силу для квалификации предполагаемых действий заявителя. Кроме того, по поводу утверждения, что вышеперечисленные конвенции являлись шагом вперед, а не назад в развитии международного права в области вооруженных конфликтов, можно сказать следующее: поскольку в Женевской конвенции 1949 года отсутствует такая презумпция, нет никаких оснований считать, что она уже была признана в обычном праве в 1944 году. Кроме того, Конвенция 1949 года сама в статье 5 предусматривает исключения, позволяющие лишать лиц, злоупотребляющих статусом мирных жителей, особых преимуществ и привилегий (см. выше, пункт 66 настоящего постановления). В общем, ничто не указывает на то, что по правилам ведения войны в том виде, в котором они существовали в 1944 году, лицо, не обладающее формальными признаками комбатанта, следовало автоматически относить к категории мирных жителей со всеми вытекающими отсюда гарантиями.

132. Далее, Европейский Суд отмечает, что операция 27 мая 1944 г. имела избирательный характер. Из материалов дела ясно следует, что у «красных партизан» никогда не было намерения нападать на саму деревню Малье Баты — например для того, чтобы уничтожить всех ее жителей и сжечь все дома и постройки. Суд считает необязательным разрешать возникший между сторонами спор, был ли приговор вынесен специально созданным военным трибуналом, состоящим из членов партизанского подраз-

деления. Достаточно отметить, что операция, являющаяся предметом спора, была направлена против шести конкретных установленных человек, в отношении которых имелись серьезные подозрения, что они сотрудничали с фашистскими оккупантами. Ворвавшись к главам каждого из шести семейств и обыскав их дома, партизаны казнили их лишь после того, как нашли винтовки и гранаты, полученные от немцев, — вещественные доказательства их сотрудничества с фашистами. С другой стороны, они не тронули остальных жителей деревни, за исключением трех женщин, ситуацию с которыми Суд рассмотрит ниже. В частности, Суд отмечает, что на момент нападения в деревне не пострадал ни один малолетний ребенок, включая детей убитых (см. выше, пункты 16 и 36(а) настоящего постановления). Наконец, сожжено было только два дома — Мейкула Крупника и Бернарда Шкирманта.

133. Европейский Суд считает необходимым рассмотреть конкретные статьи Положения, приложенного к Гаагской конвенции 1907 года, для того чтобы определить, существовали ли веские правовые основания признавать заявителя виновным в совершении хотя бы одного наказуемого деяния. В связи с этим Суд отмечает, что в своих решениях латвийские суды не провели подробного и достаточно тщательного анализа вышеупомянутого документа, ограничившись ссылками на некоторые его статьи и не объяснив, в какой мере они были применимы в деле заявителя. В этих обстоятельствах, учитывая, что в то время еще не сложилось устоявшейся практики национальных и международных органов по толкованию Гаагской конвенции и приложенного к ней Положения, Суд считает необходимым использовать буквальное и общепринятое значение использованных терминов.

134. В решении от 30 апреля 2004 г. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвии сослалась на три статьи упомянутого Положения — пункт «b» части 1 статьи 23 Конвенции, который запрещает «предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля»; статью 25, запрещающую нападения на «незащищенные города, селения, жилища или строения», и, наконец, на подпункт 1 статьи 46, устанавливающий, что должны быть уважаемы некоторые основные права, такие, как «честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность». В настоящем деле речь идет о военной операции с четко определенной целью: избирательное уничтожение вооруженных пособников фашистского неприятеля, в отношении которых имелись законные подозрения в том, что они представляли собой угрозу «красным партизанам», и действия которых уже привели к смерти товарищей партизан. Соответственно Суд не считает убедительным утверждение государства-ответчика, что Малье Баты были «незащищенным селением». На самом деле эта операция мало чем отличалась от других операций, проводившихся в то время вооруженными силами Союзных держав или местными участниками Сопrotивления во многих европейских странах, оккупированных фашистской Германией. Кроме того, латвийские суды не объяснили, в каком смысле они сочли операцию, о которой идет речь, «предательской» по смыслу положений статьи 23 Гаагского положения, а не законной «военной хитростью», разрешенной статьей 24 Положения.

135. Наконец, относительно «мародерства» — преступления, в совершении которого заявитель также обвинялся при рассмотрении его дела в латвийских судах и которое строго запрещено статьей 28 и статьей 47 Положения, Европейский Суд вновь отмечает, что заявитель не был признан виновным в совершении этого преступления и что в конечном счете обвинение в краже у жителей деревни продуктов и личных вещей не подтвердилось. Нельзя считать «мародерством» в значении, в котором обычно понимается данный термин,

и изъятие «красными партизанами» оружия, полученного жителями деревни Малые Баты от немецкой военной администрации, так как оно не относится к категории «частной собственности».

136. Государство-ответчик утверждает, что по состоянию на 27 мая 1944 г. заявитель должен был отдавать себе отчет в том, что он совершает военное преступление, так как до этого власти СССР уже привлекли к суду ряд немецких военнослужащих за действия, сходные с теми, которые были совершены его группой, и приговорили их к высшей мере наказания. В связи с этим государство-ответчик ссылается, в частности, на Харьковский процесс, который состоялся примерно шестью месяцами ранее (см. выше, пункты 71—75 настоящего постановления). Тем не менее государство-ответчик не объяснило, в чем заключается сходство действий диверсионной группы, проводившей операцию в деревне Малые Баты, с действиями немцев, которых судили в Харькове. В решениях латвийских судов ничего об этом не сказано. Соответственно данный довод государства-ответчика не может быть принят.

137. Принимая во внимание изложенное выше, Европейский Суд полагает, что по делу не было приведено достаточно убедительных доказательств, показывающих, что нападение 27 мая 1944 г. как таковое противоречило законам и обычаям войны, кодифицированным Положением, приложенным к Гаагской конвенции 1907 года. Соответственно, учитывая поверхностный характер рассуждений латвийских судов, Европейский Суд приходит к выводу об отсутствии в международном праве веских правовых оснований признавать заявителя виновным в том, что он командовал группой, которая проводила операцию, являющуюся предметом спора.

138. Остается вопрос о трех женщинах, убитых в деревне Малые Баты, а именно матери Мейкула Крупника и его жены, находящейся на девятом месяце беременности, а также жены Бернарда Шкирманта. В этом случае Европейский Суд считает, что юридическая квалификация обстоятельств их смерти зависит, по существу, от ответов на два вопроса: во-первых, принимали ли они участие в выдаче немцам отряда под командованием майора Чугунова в феврале 1944 года и если да, то насколько активное, и, во-вторых, планировалось ли их уничтожение «красными партизанами» с самого начала или они просто вышли за рамки предоставленных им полномочий. Здесь снова Суд не может не выразить сожаление по поводу слишком общего и поверхностного характера рассуждений латвийских судов, не позволяющего дать каких-либо определенных ответов на эти два вопроса. Со своей стороны, Суд полагает, что существуют два возможных объяснения произошедшего.

139. Первое объяснение заключается в том, что эти три женщины имели какое-то отношение к выдаче немцам бойцов отряда под командованием Чугунова и их уничтожение в ходе операции 27 мая 1944 г. планировалось изначально. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик не отрицает утверждение заявителя, что эти три женщины обманули бдительность «красных партизан», скрывавшихся в сарае Мейкула Крупника, и сторожили их, пока мужчины ходили в соседнюю деревню, чтобы предупредить немецкий гарнизон; а после того, как партизаны были убиты, мать Крупника сняла с трупов форму (см. выше, пункт 22 настоящего постановления). Эта версия, по-видимому, подтверждается тем, что убиты были только эти женщины, в то время как, например, жена Владислава Шкирманта осталась жива (см. выше, пункт 18 настоящего постановления). Если это так, Суд должен сделать вывод, что эти женщины тоже были виновны в злоупотреблении своим статусом «граждан-

ских лиц», поскольку они оказали реальную, конкретную помощь шестью мужчинам из деревни Малые Баты, сотрудничавшим с фашистскими оккупантами. В таких обстоятельствах вывод Суда относительно мужчин, уничтоженных в ходе операции 27 мая 1944 г., в общем-то в равной степени относится и к этим трем женщинам.

140. Второе объяснение заключается в том, что уничтожение женщин изначально не планировалось подчиненными заявителя и их командирами, а причиной их смерти стало превышение полномочий. Учитывая все обстоятельства настоящего дела, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу, Европейский Суд считает, что ни подобное превышение полномочий, ни военную операцию, в ходе которой оно имело место, нельзя с достаточными основаниями считать нарушением законов и обычаев войны, кодифицированных Гаагским положением. В рамках этого сценария Суд допускает, что действия членов группы заявителя по отношению к этим трем женщинам могли *prima facie*¹ являться преступлением по общему праву, будь то убийство, причинение смерти по неосторожности, нанесение телесных повреждений, повлекших за собой смерть потерпевших, оставление в опасности или одно из «воинских преступлений», о которых упоминал заявитель (см. выше, пункт 98 настоящего постановления). Представляя собой преступления по общему праву, они должны рассматриваться со ссылкой на национальное законодательство, действовавшее на момент их совершения.

(β) В том, что касается национального законодательства

141. По поводу предположения, что смерть трех женщин из деревни Малые Баты стала следствием превышения «красными партизанами» предоставленных им полномочий, Европейский Суд отмечает, что, как и в случае в шестью мужчинами, в решениях латвийских судов не содержится никаких указаний на то, какую именно роль заявитель играл в их уничтожении. Никто никогда не утверждал, что он сам убил этих женщин либо отдал своим товарищам соответствующий приказ или побуждал их к тому, чтобы это сделать. В любом случае Суд считает, что, даже если обвинительный приговор заявителю был вынесен на основании положений национального законодательства, это явно противоречило требованиям статьи 7 Конвенции по следующей причине.

142. В настоящем деле стороны и государство, вступившее в производство по делу в качестве третьей стороны, согласны, что национальным уголовно-правовым актом, который должен был применяться к событиям 27 мая 1944 г., является Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1926 году и введенный в действие на территории Латвии Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 6 ноября 1940 г. Статья 14 этого Кодекса предусматривает трех-, пяти- и десятилетние сроки давности привлечения к уголовной ответственности в зависимости от срока наказания. Несмотря на то что эта статья предусматривает также два конкретных исключения, когда сроки давности не применяются, очевидно, что положение заявителя не охватывается ни одним из них (см. выше, пункт 50 настоящего постановления). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года действует лишь в отношении конкретных преступлений, указанных в статье 1 этой Конвенции, а не к преступлениям по общему праву, к которым сроки давности применяются. Следовательно, даже если предположить, что в ходе операции в деревне Малые Баты заявитель совершил одно или

¹ *Prima facie* (лат.) — на первый взгляд (примечание редакции).

несколько тяжких преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом 1926 года, Суд не может не отметить, что соответствующие сроки давности окончательно истекли через десять лет после совершения этих преступлений, то есть в 1954 году.

143. Государство-ответчик ставит под сомнение применимость этого срока давности, ссылаясь на Уголовный кодекс 1961 года, который отменил сроки давности в отношении преступлений, карающихся смертной казнью. В связи с этим оно ссылается на «преемственность» в установлении уголовной ответственности за действия, которые являются предметом спора, существующую, по его словам, с 1944 года. Европейский Суд не может согласиться с этим доводом. Упомянутый выше Уголовный кодекс был принят в 1961 году, через семь лет после того, как по старому Уголовному кодексу истек срок давности привлечения заявителя к уголовной ответственности за его предполагаемые преступления. Действительно, статья 45 Кодекса 1961 года исключает автоматическое применение сроков давности к преступлениям, карающимся смертной казнью (см. выше, пункт 52 настоящего постановления), однако в ней не содержится оговорки об обратной силе, которая позволяла бы применять указанное исключение к преступлениям, совершённым в прошлом, или вновь ставить под сомнение уже истекший срок давности. Следовательно, ни в 1961 году, ни когда-либо позже заявитель не мог предвидеть, что он может подвергнуться уголовному преследованию за преступления, в отношении которых окончательно истекли сроки давности (см., в качестве примера противоположной ситуации, упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ашур против Франции», § 53).

144. Надо сказать, что в одном из ранее рассмотренных дел Европейский Суд постановил, что статья 7 Конвенции не запрещает продление сроков давности путем немедленно применения процессуальных норм в случаях, когда в отношении соответствующих преступлений вообще не были предусмотрены сроки давности (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Коэм и другие заявители против Бельгии», § 149). Тем не менее, говоря о преступлениях по общему праву, Суд считает, что это положение в принципе не позволяет вернуть возможность привлечения человека к ответственности за действия, которые перестали быть наказуемыми в связи с истечением срока давности. Из доводов государства-ответчика ясно, что именно это и произошло в настоящем деле. В связи с этим Суд повторяет, что срок давности — институт, имеющийся во всех национальных правовых системах государств — членов Совета Европы, — преследует несколько целей, в том числе обеспечение правовой определенности, а также предупреждение нарушений прав подсудимых, которые могли бы иметь место, если бы суды должны были принимать решения на основе доказательств, страдающих неполнотой из-за того, что с момента совершения соответствующего преступления прошло слишком много времени (см. постановление Европейского Суда от 22 октября 1996 г. по делу «Стаббингс и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Stubbings and Others v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1996-IV, с. 1502-03, § 51, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Коэм и другие заявители против Бельгии», § 146).

145. Аналогичным образом Европейский Суд не сомневается, что у властей Латвии появилась возможность начать уголовное преследование подозреваемых в преступлениях, совершенных в период с 1940 по 1991 год, лишь с того момента, когда в 1991 году Латвия вновь обрела независимость. Тем не менее Суд отмечает, что в латвийском зако-

нодательстве нет и никогда не было нормы, позволяющей приостанавливать или продлевать сроки исковой давности лишь на основании того, что соответствующие преступления были совершены, когда власть в Латвии осуществлялась другим государством. Поэтому этот довод государства-ответчика следует отклонить.

146. В целом, даже если предположить, что 27 мая 1944 г. заявитель действительно совершил одно или несколько преступлений по общему праву, Европейский Суд приходит к выводу, что срок давности в отношении этих преступлений истек в 1954 году и что привлечение заявителя к ответственности за их совершение почти через 50 лет после истечения этого срока противоречит принципу предсказуемости, неотъемлемо присущему статье 7 Конвенции.

(ii) К пункту 2 статьи 7 Конвенции

147. На тот случай, если Европейский Суд не согласится с его доводами, изложенными выше, государство-ответчик утверждает, что действия заявителя во время нападения на деревню Малые Баты являлись «уголовно наказуемыми в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами» по смыслу положений пункта 2 статьи 7 Конвенции. В связи с этим Суд отмечает, что практически всякий раз, когда конвенционные органы рассматривали дело с точки зрения пункта 2 статьи 7 Конвенции, они не считали необходимым рассматривать его еще и с точки зрения пункта 1 этой статьи Конвенции (решение Комиссии по правам человека от 9 июня 1958 г. по делу «Де Бекер против Бельгии» [*De Becker v. Belgium*], жалоба № 214/56, Ежегодник по правам человека [*Yearbook*], № 2, с. 214; решение Комиссии по правам человека от 30 мая 1961 г. по делу «Х. против Норвегии» [*X. v. Norway*], жалоба № 931/60, Сборник решений Европейской Комиссии по правам человека [*Collection of Decisions of the European Commission on Human Rights*], № 6, с. 41; решение Комиссии по правам человека от 18 сентября 1961 г. по делу «Х. против Бельгии» [*X. v. Belgium*], жалоба № 1028/61, Ежегодник по правам человека [*Yearbook*], № 4, с. 325; решение Европейского Суда по делу «Налетич против Хорватии» [*Naletilić v. Croatia*], жалоба № 51891/99, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-V, а также упомянутые выше решения Европейского Суда по делам «Х. против Бельгии» (жалоба № 268/57), «Тувье против Франции» и «Папон против Франции (№ 2)»; более подробные рассуждения по данному вопросу содержатся в решении Европейского Суда от 24 января 2006 г. по делу «Пенарт против Эстонии» [*Penart v. Estonia*], жалоба № 14685/04, а также в упомянутом выше решении Европейского Суда по делу «Кольк и Кислый против Эстонии»). Суд не видит причин отходить от этой практики в настоящем деле. Рассмотрев дело с точки зрения пункта 1 статьи 7 Конвенции, Суд не считает необходимым рассматривать его еще и с точки зрения пункта 2 этой статьи Конвенции. В любом случае, даже если предположить, что пункт 2 статьи 7 Конвенции применим в настоящем деле, операцию 27 мая 1944 г. нельзя считать «уголовно наказуемой в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

(с) Вывод

148. Принимая во внимание изложенное выше, Европейский Суд считает: 27 мая 1944 г. заявитель не мог с достаточными основаниями предвидеть, что его действия являлись военным преступлением по действовавшим в то время *jus in bello*. Следовательно, не было веских международно-правовых оснований признавать его виновным в совершении такого

преступления. Даже если предположить, что заявитель совершил одно или несколько преступлений по общему праву, предусмотренных национальным законодательством Латвии, сроки давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение давно истекли. Соответственно латвийское законодательство также не могло служить основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора.

149. Следовательно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции.

II. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

150. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о причиненном заявителю ущербе

151. Заявитель, не делая четкого различия между материальным ущербом и моральным вредом, просит выплатить ему следующие суммы:

(a) 687 тысяч евро в качестве компенсации за страдания и чувство тревоги, которые он испытал в ходе уголовного преследования;

(b) дополнительно 3 миллиона евро в качестве компенсации за страдания, которые он перенес во время предварительного содержания под стражей;

(c) 500 тысяч евро за моральный вред, причиненный тем, что он, находясь под стражей, не смог присутствовать на похоронах своего сына и двух братьев;

(d) 5 тысяч долларов США в качестве компенсации за земельный участок, который он был вынужден продать для того, чтобы оплатить услуги защиты во время рассмотрения его дела в латвийских судах;

(e) 30 тысяч долларов США в качестве компенсации за квартиру, которую он был вынужден продать, чтобы покрыть расходы на лечение;

(f) 7 тысяч евро в качестве компенсации за вознаграждение М.К. — следователя Бюро конституционной защиты за то время, в течение которого он занимался делом заявителя;

(g) 680 тысяч евро в качестве компенсации за вознаграждение, полученное прокурорами за то время, в течение которого они занимались делом заявителя;

(h) 1 миллион евро в качестве компенсации ущерба, причиненного чести и репутации заявителя судом над ним и вынесением ему обвинительного приговора;

(i) 5 миллионов 187 тысяч евро в качестве компенсации за «незаконное осуждение в уголовном порядке».

152. Государство-ответчик отмечает, что основанием для присуждения справедливой компенсации согласно статье 41 Конвенции может являться лишь ущерб, причиненный в результате одного или нескольких установленных Европейским Судом нарушений Конвенции. Большая часть расходов, возмещения которых требует заявитель, относится к той части жалобы, которую Суд уже отклонил в решении по вопросу о приемлемости от 27 декабря 2007 г. Соответственно они никак не связаны с предполагаемым нарушением требований статьи 7 Конвенции. В частности, государство-ответчик не видит никаких причин, по которым оно должно выплачивать заявителю денежные суммы, соответствующие вознаграждению работников прокура-

туры, если их работа оплачивается не заявителем, а государством.

153. Что касается остальных изложенных выше требований заявителя, государство-ответчик считает их надуманными и чрезмерными. По его мнению, вина заявителя в убийстве девяти жителей деревни «была установлена вне всякого разумного сомнения». Заявитель сам «причинил страдания жителям деревни Малые Баты», не выплатил оставшимся в живых никакой денежной компенсации и не принес им своих извинений, поэтому Европейский Суд не должен присуждать ему никакой компенсации морального вреда. Следовательно, установление по делу факта нарушения Конвенции само по себе являлось бы достаточной компенсацией любого причиненного заявителю морального вреда.

154. Европейский Суд вновь заявляет, что необходимым условием присуждения справедливого возмещения материального ущерба по статье 41 Конвенции является наличие причинно-следственной связи между предположительно причиненным ущербом и установленным по делу нарушением Конвенции (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» [*Nikolova v. Bulgaria*], жалоба № 31195/96, § 73, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-II, а также постановление Европейского Суда по делу «Подколзина против Латвии» [*Podkolzina v. Latvia*], жалоба № 46726/99, § 49, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-II). Именно это правило применяется и в отношении морального вреда (постановление Европейского Суда от 4 мая 2006 г. по делу «Кадикис против Латвии» (№ 2)» [*Kadikis v. Latvia (no. 2)*], жалоба № 62393/00, § 67). В настоящем деле отсутствует причинно-следственная связь между большей частью сумм, выплаты которых требует заявитель, и установленным Судом фактом нарушения требований статьи 7 Конвенции. Тем не менее Суд считает, что моральный вред, причиненный заявителю этим нарушением, является бесспорным, хотя суммы требуемой заявителем компенсации явно чрезмерны. Поэтому, принимая решение на основе принципа справедливости в соответствии со статьей 41 Конвенции и учитывая иные особые обстоятельства настоящего дела, Суд присуждает заявителю в качестве компенсации причиненного ему морального вреда сумму в размере 30 тысяч евро, к чему надлежит прибавить сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с указанной суммы.

B. Вопрос о понесенных заявителем судебных издержках и расходах

155. Заявитель просит выплатить ему 3 тысячи латвийских латов (4 тысячи 200 евро) в качестве возмещения издержек и расходов, связанных с рассмотрением дела в Европейском Суде. Он не представил никаких документальных подтверждений своих требований.

156. Государство-ответчик считает, что притязания заявителя, не подкрепленные никакими документами, не отвечают основополагающим требованиям, установленным практикой Европейского Суда в этой сфере.

157. Европейский Суд повторяет, что для возникновения права на возмещение судебных издержек и расходов по статье 41 Конвенции необходимо, чтобы они были фактически понесены потерпевшей стороной и необходимы (см., в числе прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» [*Iatridis v. Greece*] (вопрос о справедливой компенсации), жалоба № 31107/96, § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-XI; постановление Большой Палаты Европейского

Суда от 28 мая 2002 г. по делу «Бейелер против Италии» [*Beyeler v. Italy*] (вопрос о справедливой компенсации), жалоба № 33202/96, § 27, а также постановление Европейского Суда по делу «Свипста против Латвии» [*Svipsta v. Latvia*], жалоба № 66820/01, § 170, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 2006 — ... (извлечения)). Соответствующие требования заявителя сформулированы в очень общих выражениях, не подкреплены никакими документами, и, таким образом, Суд их отклоняет.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

158. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *Постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции (принято четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против»);

2. *Постановил*:

(а) что государство-ответчик обязано — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу выплатить заявителю сумму в размере 30 000 евро (тридцать тысяч евро) в качестве компенсации причиненного ему морального вреда с переводом данной суммы в латвийские латы по курсу обмена валюты на день выплаты, к чему надле-

жит прибавить сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с указанной суммы;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка плюс три процента (принято четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против»);

3. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации (принято единогласно).

Совершено на французском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 24 июля 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Сантьяго Кесада,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Боштян М. Зупанчич,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения¹ судей:

- (а) совпадающее мнение судьи Э. Мийера;
- (б) совместное особое мнение судей Е. Фура-Сандстрём, Дэвида Тор Бьоргвинссона и И. Зиемеле;
- (с) особое мнение судьи Дэвида Тор Бьоргвинссона.

Окончание в следующем номере

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (примечание редакции).

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ¹
СУДЬИ Э. МИЙЕРА

1. Я полностью отдаю себе отчет в том, какие эмоции вызовет результат рассмотрения этого дела не только у заявителя и у тех, кто, как и он, во время Второй мировой войны входил в состав диверсионных групп и партизанских отрядов Красной Армии, но и для потомков мужчин и женщин, погибших 27 мая 1944 г. в деревне Малые Баты, а в более общем смысле — у всех тех, кто искренне верил в справедливость неблагоприятного для заявителя итога судебного разбирательства на национальном уровне. Поэтому я решил в порядке исключения написать совпадающее мнение, в котором я рассчитываю объяснить мотивы, по которым я по этому делу голосовал так же, как и большинство судей. Обычно судье не следует высказывать свое личные мысли в отношении постановления, за которое он голосовал. Однако в этом исключительном случае я думаю, что из моих комментариев, по крайней мере, станет ясно, что за юридическими формулировками, использованными в этом постановлении Страсбургского Суда, стоит множество различных направлений мысли.

2. Когда я впервые ознакомился с материалами дела, моей почти что мгновенной реакцией была мысль: то, что случилось в деревне Малые Баты 27 мая 1944 г., — это чудовищно. Представьте себе, какова была бы ваша собственная реакция, если бы вы своими глазами видели, как убивают ваших близких или тех, кто живет с вами в одной деревне. Но я еще и подумал, что не может быть правильным подвергать заявителя преследованию из-за этих событий 54 года спустя. Это показалось мне вопиющей несправедливостью, если только он на самом деле не был объявлен в розыск в связи с этими событиями непосредственно пос-

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА**

**ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
(В ПРЕЖНЕМ СОСТАВЕ)**

**ДЕЛО «КОНОНОВ ПРОТИВ
ЛАТВИИ»
[KONONOV V. LATVIA]**

(жалоба № 36376/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

24 июля 2008 г.

(окончание, начало см. в 11-м номере журнала за 2008 год)

ле того, как они произошли (или после того, как о них стало известно), и ему удалось избежать уголовного преследования. Однако всё было не так. Напротив, то, что случилось в тот день, по-видимому, получило широкую огласку, и после Второй мировой войны заявитель фактически был награжден за свою службу в рядах партизан как герой войны. И даже если предположить, что события, о которых идет речь (и его роль в них), остались бы неизвестными, он мог бы подвергнуться уголовному преследованию лишь в том случае, если к преступлениям, в совершении которых он подзревался, не применялся бы срок давности — если только международное право в области вооруженных конфликтов не предписывает обратного.

3. В этом отношении я сначала хотел сделать вывод: в исключительных обстоятельствах этого дела уголовное преследование заявителя было само по себе настолько несправедливым, что это сделало несправедливым всю последующую процедуру судебного разбирательства по его делу. Обдумав всё еще раз, я согласился с тем, что

дело следует рассматривать исключительно с точки зрения статьи 7 Конвенции. Таким образом, я вместе со своими коллегами голосовал за то, чтобы признать жалобу заявителя в части, касающейся предполагаемого нарушения требований статьи 6 Конвенции, неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу (решение Европейского Суда от 20 сентября 2007 г. по вопросу о приемлемости настоящей жалобы для ее рассмотрения по существу).

Я убежден, что при рассмотрении дела на национальном уровне гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции, были соблюдены. Судя по тому, как дело разбиралось на национальном уровне, у латвийских судей тоже были разные мнения о юридических выводах, которые следовало сделать

От редакции. По делу престарелый заявитель, бывший партизан, сражавшийся во время Великой Отечественной войны против немецко-фашистских оккупантов на временно оккупированной вермахтом территории Латвийской ССР, жаловался в Европейский Суд на то, что осуждение его в конце 1990-х — начале 2000-х годов в уголовном порядке латвийскими судами за совершение «военных преступлений» в 1944 году нарушило требования статьи 7 Конвенции («Наказание исключительно на основании закона»). Заявитель был привлечен в Латвии к уголовной ответственности за то, что то, что в 1944 году он принял участие в партизанской акции возмездия вооруженным фашистами их пособникам, которые незадолго до этого предательски выдали немецкой военной администрации группу партизан, товарищей заявителя по борьбе с оккупантами. После детального рассмотрения аргументов сторон, норм международного права, имеющих отношение к ведению войны, и соответствующего законодательства Европейский Суд установил, что заявитель не мог тогда в условиях борьбы с оккупантами и их пособниками с достаточными основаниями предвидеть, что его действия являлись «военным преступлением» по действовавшим в то время правилам ведения боевых действий. Следовательно, указал Суд, не было веских международно-правовых оснований признавать его виновным в совершении такого преступления. Даже если предположить, отметил Суд, что заявитель совершил одно или несколько преступлений по общим нормам права, предусмотренным национальным законодательством, сроки давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение давно истекли, и поэтому латвийское законодательство также не могло служить основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора. Европейский Суд постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции (постановление Палаты Суда было принято четырьмя голосами судей «за» и тремя голосами «против»). Суд присудил заявителю компенсацию за причиненный ему моральный вред.

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (примечание редакции).

исходя из фактических обстоятельств дела. Поскольку эти обстоятельства очень тесно связаны с правовыми вопросами, которые необходимо разрешить с точки зрения статьи 7 Конвенции, я согласен с общей логикой постановления, отраженной в пунктах 108–112.

4. В принципе в задаче Европейского Суда не входит подменять позицию национальных судебных органов своей собственной точкой зрения. Установление обстоятельств дела и разрешение проблем толкования национального законодательства в первую очередь относится к компетенции национальных властей, в особенности судов. Это относится и к тем случаям, когда национальное законодательство ссылается на нормы общего международного права или международных соглашений. Роль Европейского Суда сводится к тому, чтобы установить, совместимы ли последствия такого толкования с требованиями Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» [*Waite and Kennedy v. Germany*], жалоба № 26083/94, § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-I, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии» [*Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*], жалобы № 34044/96, № 35532/97 и № 44801/98, § 90, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II). Тем не менее в таком деле, как это, где факты и толкование норм национального законодательства и международного права так тесно взаимосвязаны, есть также основания проверить, не являлось ли применение норм национального законодательства и международного права в этом фактам произвольным. Европейский Суд правомочен рассматривать обжалуемые заявителем обстоятельства с точки зрения всех требований Конвенции, вместе взятых. При выполнении этой задачи Суд, в частности, вправе квалифицировать обстоятельства дела, которые, как он считает, вытекают из представленных ему доказательств, иначе, чем одна из сторон по делу, либо в случае необходимости по-другому оценивать эти обстоятельства (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 111).

5. Насколько я знаю, в этот раз Европейский Суд впервые рассматривает дело, касающееся событий времен Второй мировой войны, в котором подсудимый не был связан с фашистами либо с их союзниками и пособниками, а воевал на стороне Союзных держав, сражавшихся против фашистов.

Из статьи 6 Устава Международного военного трибунала (г. Нюрнберг) ясно следует, что «Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений».

Затем данная статья дает следующий перечень этих преступлений:

«Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

(а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

(б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, на-

ходящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

(с) преступления против человечества, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана».

С самого начала появились комментарии, что Нюрнбергский трибунал — это не более чем пристрастное «правосудие победителей», так как после Второй мировой войны на международном (и на внутригосударственном) уровне не состоялось ни одного судебного разбирательства по поводу военных преступлений и преступлений против человечества, совершенных Союзными державами. Однако, насколько я знаю, эти комментарии были призваны закрыть тему: Нюрнбергские процессы и последующие суды над фашистами и их приспешниками на международном и национальном уровне должны были стать окончательным «судебным урегулированием» того, что произошло во время Второй мировой войны, средствами уголовного права. После этого во всех государствах жизнь могла начаться с чистого листа.

6. В этом отношении настоящее дело отличается от таких дел, как, например, «Папон против Франции». Такие люди, как Папон, сотрудничали с фашистами и не имели права жаловаться на то, что их привлекли к суду за военные преступления или за преступления против человечества спустя много лет после окончания Второй мировой войны. В решении от 15 ноября 2001 г. по вопросу о приемлемости жалоба Папона в части, касающейся предполагаемого нарушения пункта 2 статьи 7 Конвенции, была объявлена неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу по следующим основаниям:

«<...> Европейский Суд отмечает, что пункт 2 упомянутой выше статьи 7 Конвенции явным образом предусматривает, что эта статья не должна препятствовать осуждению и наказанию любого лица за какого-либо действие или бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовно наказуемым в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами. Это утверждение относится и к преступлениям против человечества, к которым, согласно уставу Нюрнбергского военного трибунала, приложенного к Межсоюзническому соглашению от 8 августа 1945 г., не применяются сроки давности. Аналогичная норма содержится в Законе Франции от 26 декабря 1964 г., который непосредственно ссылается на это соглашение, устанавливая, что преследование за совершение преступлений против человечества не может иметь срока давности (см. решение Комиссии по правам человека от 13 января 1997 г. по делу «Тувье против Франции» [*Touvier v. France*], жалоба № 29420/95, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [DR] 88-B, с. 148, 161)».

7. Поэтому настоящее дело отличается и от дел, в которых люди привлекались к суду за преступления против человечества или военные преступления, совершенные после Второй мировой войны и Нюрнбергских процессов. Ни один человек, совершивший преступления против человечест-

ва или военные преступления после Нюрнберга, не может с достаточными основаниями утверждать, что он не отдавал себе отчета в характере своих действий. В этом отношении я ссылаюсь еще и на то, как рассуждал Европейский Суд в решении по вопросу о приемлемости жалобы по делу «Пенарт против Эстонии» [*Penart v. Estonia*] от 4 января 2006 г. (жалоба № 14685/04):

«...» *Несмотря на то что Нюрнбергский трибунал был создан для суда над главными военными преступниками европейских стран оси за преступления, которые они совершили до или во время Второй мировой войны, Европейский Суд отмечает, что универсальная юридическая сила принципов, касающихся преступлений против человечности, впоследствии была подтверждена, помимо прочего, резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций № 95 (от 11 декабря 1946 г.), а позднее Комиссией международного права ООН. Соответственно ответственность за преступления против человечества не может ограничиваться лишь гражданами определенных стран и исключительно действиями, совершёнными именно во время Второй мировой войны. В связи с этим Суд обращает особое внимание на то, что в пункте “b” статьи I Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества ясно сказано, что к преступлениям против человечности не применяются никакие сроки давности независимо от времени их совершения и независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время <...>».*

8. Я отмечаю, что власти Латвии признали (см. пункт 92 настоящего постановления), что суд над Кононовым можно считать примером запоздалого правосудия победителей, а также что такого рода разбирательства «помогают восполнить недостатки Нюрнбергского процесса». Однако я воздержусь от комментариев по поводу этого поверхностного довода.

9. Прежде чем начать рассмотрение некоторых из этих вопросов, я должен пояснить, что мое восприятие окрашено моим собственным национальным происхождением. Я родился в Нидерландах сразу после Второй мировой войны и вырос с ощущением, что фашисты и их пособники действовали неправильно, а те, кто сражался против них (в том числе и бойцы отрядов сопротивления), во всем были правы. Какие бы действия ни предпринимали отряды сопротивления против оккупационных немецких сил или против сотрудничавших с ними подданных Нидерландов, они всегда сражались за правое дело. Если отряды сопротивления заставляли молчать коллаборационистов, доносивших на евреев или скрывающихся лиц, они поступали правильно. И в случае, если после войны человек, воевавший в отряде сопротивления, признавался виновным в преступлении, совершённом во время войны, это, разумеется, имело отношение не к его нелегальной работе, а лишь к сведению личных счетов или к обычному преступлению.

Насколько я знаю, в Нидерландах во время Второй мировой войны не было примеров того, чтобы оккупационные силы поставляли оружие «подданным» Нидерландов, опасавшимся ответных действий отрядов сопротивления.

10. Я убежден, что во время Второй мировой войны ситуация в Латвии была более сложной, чем в Нидерландах. Нет необходимости высказываться по поводу утверждения властей Латвии о том, что страна находилась под «двойной оккупацией», но ясно, что в 1940 году Латвия была включена в состав СССР, а 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР и в связи с этим оккупировала территорию Латвии, чтобы сделать ее частью немецкого рейха. Латвия была оккупирована 5 июля 1941 г. Позднее Красная Армия попыталась вернуть утраченную СССР территорию. На ок-

купированной территории самой Латвии диверсионные акты осуществлялись специально обученными подрывниками-красноармейцами и «красными партизанами».

Я должен признать, что в тот момент я не рассматривал возможности того, что немецкие оккупанты в таких странах, как Латвия, могли вести себя иначе, чем в других государствах, если, конечно, можно предположить, что, в отличие от других оккупированных стран, в Латвии они не совершали военных преступлений или преступлений против человечества. Если бы это действительно было так, некоторых жителей Латвии можно было бы простить за то, что они сочли разумным сотрудничать с этими оккупационными силами. Тем не менее, прочитав раздел «Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик» в приговоре Международного военного трибунала для суда над главными немецкими военными преступниками (Нюрнбергский трибунал, приговор от 1 октября 1946 г.) и ознакомившись с полученными из других источников сведениями о массовых убийствах, особенно мужчин, женщин и детей еврейского и цыганского происхождения, которые происходили в Латвии во время немецкой оккупации, я абсолютно убежден, что это было совсем не так. В этом вопросе я согласен с содержащимся в постановлении (пункт 130) выводом, что пронацистской позиции или активному сотрудничеству с фашистами не могло быть никакого оправдания, в том числе и в Латвии.

11. Заявитель Кононов, родившийся в Латвии и живший там до немецкой оккупации, воевал в составе одной из специально подготовленных советских диверсионных групп.

В феврале 1944 года партизанский отряд под командованием некоего майора Чугунова укрылся в деревне Малые Баты. Согласно тому, что говорилось в решении Коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвии от 30 апреля 2004 г., один из жителей деревни Малые Баты выдал их немцам, а они уничтожили отряд. По мнению заявителя, к этому имели отношение многие другие жители деревни. Как бы то ни было, после этого немцы раздали какому-то числу жителей деревни по одной винтовке, боеприпасы и по две гранаты. В Малые Баты был послан другой партизанский отряд под командованием заявителя. 27 мая 1944 г. партизаны ворвались в деревню, произвели в нескольких домах обыск и убили мужчин и женщин — в том числе одну беременную женщину, — в домах которых они нашли полученное от немцев оружие.

12. У меня нет никаких сомнений в том, что сегодня, оценивая эти события по истечении многих лет, убийство мужчин и женщин 27 мая 1944 г. можно считать преступлением. Наверное, можно понять, что партизаны хотели отомстить за предательство и последующее уничтожение своих товарищей или даже стремились преподать урок жителям других латвийских деревень, которые также могли пойти на сотрудничество с оккупационными немецкими силами. Тем не менее им следовало не прибегать к принципу «око за око», а избрать какой-нибудь другой способ. Даже в условиях войны, делая поправку на трудности, с которыми столкнулся партизанский отряд, получивший приказ захватить коллаборационистов в плен и перевезти их в безопасное место, чтобы затем предать их суду, они не должны были убивать этих людей на месте. Кроме того, некоторые из этих убийств были совершены с особой жестокостью. И хотя латвийские суды пришли к выводу, что заявитель сам не совершал этих убийств, указанные действия были совершены под его руководством, и поэтому он как полевой командир, осуществлявший контроль над операцией, по-видимому, нес ответственность за то, что произошло.

13. Должен ли был заявитель в то время отдавать себе отчет в том, что он совершает преступление?

Я чуть больше сомневаюсь в том, что ответ на этот вопрос утвердительный. Как я уже отметил ранее, можно понять,

что партизаны не хотели оставлять безнаказанным предательство и уничтожение своих товарищей. Кроме того, из обстоятельств дела становится ясно, что подрывники из группы Кононова приняли меры лишь в отношении тех жителей, в домах которых было обнаружено полученное от немцев оружие, — это дало им более чем достаточные основания считать их коллаборационистами. И действительно, как партизан — то есть тот, кого следует считать комбатантом, — он должен был знать о действовавших в то время законах войны, как поясняется в пункте 121 постановления. Один из этих законов прямо требует уважать права гражданского населения, которое само *не* участвует в боевых действиях. Но что, если есть серьезные основания полагать, что некоторые мирные жители сотрудничали с неприятелем настолько активно, что выдали фашистам товарищей этих партизан, и их из-за этого жестоко убили? И что, если эти мирные жители — к тому же их соотечественники — получили оружие от того же врага, против которого эти партизаны сражались? Могут ли они при этом пользоваться такой же защитой, что и *настоящие* некомбатанты? Или их можно приравнять к самому неприятелю, то есть считать их комбатантами, сражающимися на стороне противника? Если развивать этот аргумент дальше, мог ли заявитель ссылаться на то, что, как он утверждал, жители деревни были не «неприятелями», а его соотечественниками? Есть ли на эти вопросы приемлемые ответы, лежащие в области здравого смысла? С некоторым колебанием я прихожу к выводу, что, независимо от статуса жителей деревни, выдавших немцам первый партизанский отряд и принявших оружие от немецких оккупационных сил, заявитель должен был знать, что даже в исключительных обстоятельствах настоящего дела ответные меры и действия по их осуществлению не могут быть оправданы.

14. Можно ли считать то, что случилось в деревне Малые Баты, преступлением против человечества или военным преступлением и если да, то можно ли из этого сделать вывод, что власти Латвии были правы, начиная уголовное преследование заявителя аж через 54 года после событий, о которых идет речь в деле? В связи с этим я хочу подчеркнуть, что не все преступления, совершённые во время войны, можно считать военными преступлениями. Следует принимать во внимание такие соображения, как мотивы тех или иных конкретных преступлений и их масштаб.

В связи с этим я допускаю, что, как отмечалось в постановлении, в 1944 году единственным источником применимых на тот момент позитивных норм международного права являлись Гаагские конвенции 1899 года и 1907 года. Нюрнбергские процессы состоялись уже после этих событий. Впоследствии были приняты новые конвенции по международному праву в области вооруженных конфликтов (Женевские конвенции 1949 года и Протокол 1977 года). Последним по времени шагом стало создание специализированных международных военных трибуналов — Международного военного трибунала по бывшей Югославии, Международного военного трибунала по Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне, а совсем недавно — судебного органа более общего характера, Международного уголовного суда. Нельзя найти более ясного подтверждения, что наиболее тяжкие преступления касаются всего человечества в целом и не должны оставаться безнаказанными. Однако все эти шаги были предприняты позже. Хотя приговор Нюрнбергского трибунала, делая вывод, что фашисты и их союзники, представшие перед судом, совершили военные преступления, ссылался всё на те же Гаагские конвенции, именно тогда всему миру впервые стало ясно, что каждый, кто мог бы совершить аналогичные преступления в будущем, может нести за них личную ответственность.

15. Как и большинство судей, я считаю: то, что случилось в деревне Малые Баты 27 мая 1944 г., ни по действовавшему в тот момент международному праву, ни по национальному законодательству нельзя считать преступлением, к которому не применяется срок давности. Соответственно, на мой взгляд, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции.

16. В обстоятельствах настоящего дела я считаю размер присужденной Европейским Судом компенсации вполне справедливым.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Е. ФУРА-САНДСТРЁМ, ДЭВИДА ТОР БЬОРГВИНССОНА И И. ЗИЕМЕЛЕ

Мы не разделяем мнения большинства судей Европейского Суда, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции в связи с уголовным преследованием заявителя в Латвии за совершение военных преступлений во время Второй мировой войны и вынесением ему обвинительного приговора.

I.

1. Дело поднимает следующие принципиальные вопросы: (1) Принимая во внимание материалы разработки Конвенции и существующую судебную практику, можно ли сказать, что дела, касающиеся привлечения к суду за военные преступления времен Второй мировой войны должны рассматриваться с точки зрения пункта 1 или пункта 2 статьи 7 Конвенции? (2) Каковы критерии законности и предсказуемости в таких делах? (3) Какое влияние оказывает фактор времени на применение соответствующих норм международного права, общих принципов права и Конвенции?

2. Европейский Суд определяет свою задачу в настоящем деле следующим образом: «Суд должен рассмотреть вопрос о соблюдении в настоящем деле критерия предсказуемости. Точнее говоря, Суд должен определить, с объективной точки зрения, имелись ли веские правовые основания признавать заявителя виновным в совершении военного преступления, и, с субъективной точки зрения, мог ли заявитель на тот момент с достаточными основаниями предвидеть, что, совершая эти действия, он становится виновным в такого рода преступлении» (см. пункт 122 постановления). При выполнении этой задачи Суд пришел к выводу, что на дело распространяется действие пункта 1 статьи 7 Конвенции. Он никак не объясняет это решение и не соразмеряет его с существующей судебной практикой, не пытаясь провести различие между этим делом и другими подобными делами. Он выдвигает объяснение, несколько ущербное с точки зрения логики, утверждая, что, решив рассматривать дело с точки зрения пункта 1 статьи 7 Конвенции, он не должен его рассматривать еще и с точки зрения пункта 2 этой статьи Конвенции (см. пункт 147 постановления). В постановлении признаётся, что до сих пор Суд всякий раз рассматривал дела о международных преступлениях с точки зрения пункта 2 статьи 7 Конвенции. Ранее Суд неизменно приходил к выводу, что в принципе уголовное преследование и наказание за совершение международных преступлений много лет назад не противоречит Конвенции в случаях, когда применяется пункт 2 статьи 7 Конвенции. Этот подход разъясняется в деле «Тувье против Франции» (см. решение Комиссии по правам человека от 13 января 1997 г. по делу «Тувье против Франции» [Touvier v. France], жалоба № 29420/95, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [DR]), в котором Комиссия пояснила:

«Комиссия отмечает, что 20 апреля 1994 г. заявитель был приговорен к пожизненному лишению свободы <...>

за подстрекательство к преступлению против человечества и помощь в его совершении. <...> Комиссия не считает необходимым высказывать свое мнение о том, могло ли преступление, в котором обвиняется заявитель, считаться таковым на момент его совершения.

Теперь Комиссия должна рассмотреть вопрос о применимости в обстоятельствах настоящего дела исключения, предусмотренного пунктом 2 статьи 7 Конвенции.

Комиссия напоминает: как следует из истории разработки Конвенции, целью пункта 2 статьи 7 Конвенции является уточнить, что эта статья не затрагивает законов, которые в совершенно исключительных обстоятельствах конца Второй мировой войны принимались для привлечения к ответственности за военные преступления, предательство и сотрудничество с врагом и никоим образом не предполагает осуждения этих законов с юридической или моральной точки зрения (см. жалобу № 268/57, решение Комиссии по правам человека от 20 июля 1957 г., Ежегодник по правам человека [Yearbook], № 1, с. 241). <...>

Наконец, Комиссия напоминает, что в ее функции не входит анализировать ошибки в вопросах факта или в вопросах права, предположительно допущенных национальными судами, если только они не нарушают прав и свобод, охраняемых Конвенцией, и лишь в той мере, в которой это нарушение может иметь место (см., например, решение по жалобе № 13926/88 от 4 октября 1990 г., Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека, т. 66, с. 209, на с. 225; решение Комиссии по правам человека от 8 апреля 1991 г. по жалобе № 17722/91, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [DR], т. 69, с. 345, на с. 354). Далее, Комиссия напоминает, что вопросы толкования и применения национального законодательства, по общему правилу, относятся к компетенции национальных судов (см., в числе прочих источников, решение Комиссии по правам человека от 13 октября 1986 г. по жалобе № 10153/82, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR], т. 49, с. 67)».

На наш взгляд, критерии, использовавшиеся в деле «Тувье против Франции», отличаются от критериев, которые были применены в настоящем деле. До сих пор Европейский Суд производил полную оценку того, совместимо ли применение и толкование норм международного права с требованиями Конвенции и не является ли оно произвольным.

3. В своем совпадающем мнении судья Э. Мийер утверждает, что Европейский Суд обоснованно применяет пункт 2 статьи 7 Конвенции к делам, заявители по которым причастны к преступлениям фашистов, и поэтому на них распространяются Нюрнбергские принципы. Это дело, по-видимому, от них отличается, так как заявитель был ассоциирован с Союзными державами, сражавшимися против фашистов. Юридические основания подобного подхода неясны. Почему наступление уголовной ответственности должно зависеть от того, на чьей стороне воевали виновные в совершении военных преступлений? Разумеется, в самой Конвенции ничего не говорится о том, что статья 7 применяется только к преступлениям фашистов. Напротив, эта статья сформулирована в общих выражениях и имеет

конкретную цель, о чем ясно свидетельствует история разработки Конвенции. Действительно, сегодня в Конвенции участвует намного больше государств, чем на тот момент, когда она разрабатывалась. Однако сейчас, когда идет это расширение состава участников, означает ли это, что для государств, недавно присоединившихся к Конвенции, статья 7 предусматривает какие-то иные права и обязанности? Или, другими словами, означает ли это, что Конвенция действует по принципу двойных стандартов? Мы так не думаем. В решении по делу «Кольк и Кислый против Эстонии» [Kolk and Kislyiy v. Estonia] (жалобы № 23052/04 и № 24018/04, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006-I) Суд недвусмысленно заявил, что Нюрнбергские принципы имеют универсальную юридическую силу, хотя в то время Трибуналу был подсуден лишь ограниченный круг лиц (стр. 8—9).

4. Тем не менее можно было бы представить себе, что отныне Европейский Суд, вопреки тем намерениям, которые были у государств на момент составления статьи 7 Конвенции, будет рассматривать вопрос об уголовном преследовании за совершение международных преступлений с точки зрения пункта 1 статьи 7 Конвенции. Этот пункт действительно отсылает к международному праву. Тем не менее оценка законности и предсказуемости все-таки не должна противоречить пониманию этих принципов в международном уголовном праве. Между пониманием законности и предсказуемости в национальном уголовном праве и в международном уголовном праве есть очевидные различия, не в последнюю очередь потому, что международное право — это особая правовая система, отличающаяся от национальных правовых систем (следует также отметить, что эти принципы по-разному определяются в системах общего права и континентального права) с точки зрения того, как разрабатываются правовые нормы, и как они соотносятся друг с другом¹.

5. Можно было бы утверждать, что согласно Конвенции Европейский Суд может вводить новые критерии законности и предсказуемости, когда речь идет об уголовном преследовании за совершение международных преступлений. В настоящем деле большинство судей, по-видимому, не считает, что Суд может взять на себя эту задачу. Как бы то ни было, в деле, затрагивающем применение одинаково важных отраслей международного права, это представляет собой серьезный вопрос судебной политики². В этом отношении интересен следующий комментарий Международного Суда ООН по поводу предназначения международного права в области вооруженных конфликтов: «<...> огромное количество норм гуманитарного права, подлежащего применению во время вооруженных конфликтов, крайне важно с точки зрения уважения к личности человека и “элементарных соображений гуманности”»³. По-видимому, международное право в области прав человека и международное право в области вооруженных конфликтов имеет общие ценности, но часто в разное время и в разных контекстах. Далее Международный Суд ООН объяснил соотношение международного права в области вооруженных конфликтов и международного права в области прав человека следующим образом: «В принципе право на то, чтобы не быть произвольно лишенным жизни, имеет силу и во время бо-

¹ Сравните с книгой: M. Ch. Bassiouni. Introduction to International Criminal Law. Ardsley, New York, Transnational Publishers, Inc., 2003, pp. 198—204 [М.Ч. Бассиуни. Введение в международное уголовное право. Ардсли, Нью-Йорк: издательство «Транснешнл паблшерс Инк.», 2003. С. 198—204].

² Необходимо напомнить, что до сих пор Европейский Суд использовал подход, сформулированный по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» [Al-Adsani v. the United Kingdom], в котором говорилось, что Конвенция «должна трактоваться с учетом правил, установленных Венской конвенцией о праве международных договоров», и, в частности, во внимание должны приниматься «любые международно-правовые нормы, подлежащие применению в отношениях между сторонами» (§ 55). См. статью: L. Wildhaber. The European Convention on Human Rights and International Law // International and Comparative Law Quarterly, 2006, pp. 230—231 [Л. Вильдхабер. Европейская конвенция по правам человека и международное право // Ежеквартальный журнал международного права и сравнительного права. 2006. С. 230—231].

³ Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. Сборник решений Международного Суда ООН [ICJ Reports] за 1996 год, § 79.

евых действий»¹. Однако вопрос о том, что представляет собой произвольное лишение жизни, определяется подлежащим применению *lex specialis*², то есть правом, применимым в условиях вооруженного конфликта и направленном на регулирование хода боевых действий. В консультативном заключении «О правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории» Международный Суд ООН развил эту мысль следующим образом: «В более общем плане Суд считает, что защита, которую предлагают конвенции о правах человека, не прекращается в случае вооруженного конфликта, если только в силу не вступают положения о частичном отступлении государств от взятых на себя обязательств <...> Что касается взаимосвязи между международным правом в области вооруженных конфликтов и международным правом в области прав человека, можно выделить три категории прав: одна категория регулируется исключительно международным правом в области вооруженных конфликтов; другая категория регулируется исключительно международным правом в области прав человека; третья категория регулируется обеими этими отраслями международного права одновременно. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, Суд рассмотрит обе упомянутых отрасли международного права, а именно право в области прав человека и, как *lex specialis*, международное право в области вооруженных конфликтов»³.

Другими словами, для использования в ситуации боевых действий была выработана особая совокупность правовых норм, адаптированная к особым условиям вооруженного конфликта. Она предполагает разные права и обязанности и разную меру ответственности для разных субъектов. Прежде чем принять решение использовать в подобных ситуациях свои собственные критерии, Европейский Суд по правам человека должен тщательно оценить, что поставлено на карту. Как бы то ни было, Суд никогда не забывал об общих тенденциях и целях, которые обуславливают развитие международного уголовного права и международного права в области вооруженных конфликтов. Если в настоящем деле Суд решает не только использовать новый подход, но и придать ему обратную силу, такое решение должно основываться на веских юридических соображениях. В рамках Конвенции такие соображения обычно формулируются Большой Палатой.

6. В настоящем деле сложность заключается главным образом в том, что заявитель предстал перед судом спустя почти шестьдесят лет после предполагаемых событий. Как отметили большинство судей, международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов в то время на самом деле еще находилось в стадии зарождения. Однако Европейский Суд не сказал, что государство-ответчик не вправе было судить военных преступников. После этого вопрос приобретает намного более технический характер и относится к действию закона во времени или, если говорить

точнее применительно к нашему делу, о доктрине интертемпорального права⁴. Часто цитируют высказывание судьи М. Хьюбера по делу об островах Пальмас, в котором упомянутая доктрина изложена следующим образом: «Судебный факт должен оцениваться с точки зрения современного ему законодательства, а не с точки зрения законодательства, которое действовало на момент возникновения касающегося его спора или на момент появления необходимости его урегулировать»⁵.

В консультативном заключении по делу Намибии Международный Суд ООН пояснил, что в некоторых делах надо принимать во внимание изменение содержания понятий: «Не забывая о первоочередной необходимости толковать договор в соответствии с намерениями сторон на момент его заключения, Суд должен учитывать, что значения понятий <...> не являются установленными раз и навсегда, а по определению меняются <...>. Поэтому, рассматривая институты 1919 года, Суд должен принять во внимание изменения, произошедшие за последние пятьдесят лет, и на его толкование не может не влиять последующее развитие права благодаря принятию Устава ООН и появлению новых международных обычаев. Кроме того, международный договор следует толковать и применять в контексте всей правовой системы, преобладающей на момент толкования»⁶. Фактически это входит в число правил толкования международных договоров, изложенных в Венской конвенции о праве международных договоров, которая кодифицировала соответствующие нормы международного обычного права, действовавшие в то время. Помимо того, что терминам договора должно придаваться обычное значение в их контексте, а его толкование должно осуществляться с учетом его объекта и цели, Суд не должен забывать, помимо прочего, о «любых имеющих значение нормах международного права, действующих в отношениях между сторонами»⁷. Суд неизменно заявлял, что толкование Европейской конвенции должно осуществляться с учетом правил, установленных Венской конвенцией.

7. Большинство судей Европейского Суда заявляет, что Верховный суд Латвии придал двум международным договорам обратную силу (§ 118—119 и § 131). Если латвийские суды применили бы закон задним числом, чтобы расширить содержание военных преступлений, в совершении которых обвинялся заявитель, тогда действительно возникла бы проблема и в отношении Конвенции, и с точки зрения международного уголовного права⁸. Тем не менее большинство судей не рассматривало этот вопрос и не обсудило его должным образом. Когда Европейский Суд заявляет в своем постановлении, что латвийский суд сослался на статью 50 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (Протокол I), но не должен был этого делать, поскольку этот Протокол был принят 30 лет спустя, Суд, чтобы установить соответствующий международно-правовой факт, должен был бы, по крайней мере, попытаться определить, является ли

¹ Там же. С. 240, § 25.

² *Lex specialis* (лат.) — специальный закон; закон, более детально регулирующий тот или иной конкретный вопрос. Согласно известному принципу права, *lex specialis derogat generali*, то есть специальный закон отменяет действие общего закона (примечание редакции).

³ Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории. Сборник решений Международного Суда ООН [*ICJ Reports*] за 2003 год, § 106.

⁴ См. статью: R. Higgins. Time and Law: International Perspectives on an Old Problem // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 46, 1997 [*P. Хиггинс*. Время и право: международный взгляд на старую проблему // *Ежеквартальный журнал международного права и сравнительного права*. Том 46, 1997].

⁵ Цитируется в вышеуказанной статье, с. 515.

⁶ Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о правовых последствиях продолжающегося присутствия Южно-Африканской Республики в Намибии (Юго-Восточной Африке), несмотря на резолюцию Совета Безопасности 276 (1970). Сборник решений Международного Суда ООН [*ICJ Reports*] за 1971 год, § 53.

⁷ О таком прочтении указанной нормы см. также статью: P. Higgins. *Время и право: международный взгляд на старую проблему*.

⁸ О проблемах, с которыми сталкивается Европейский Суд, производя оценку содержания понятия международного преступления, см. постановление Европейского Суда по делу «Йоргич против Германии» [*Jorgic v. Germany*], жалоба № 74613/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 ... (извлечения).

статья 50 новеллой в международном праве в области вооруженных конфликтов или она кодифицирует положения международного обычного права.

II.

8. Большинство судей Европейского Суда приходит к выводу, что заявитель не мог предвидеть, что его действия являлись военным преступлением по действовавшему в то время *jus in bello*, так как, помимо прочего, девять жителей деревни Малые Баты должны были предвидеть, что их поведение провоцирует ответные действия (см. пункт 130 постановления) и что они представляли собой обоснованную опасность для советских партизан из-за своих пронацистских взглядов и сотрудничества с противником (пункты 130 и 134 постановления). По мнению большинства судей, латвийские суды не привели достаточно убедительных доказательств того, что нападение на деревню Малые Баты в Латвии 27 мая 1944 г. противоречило *jus in bello* и, таким образом, не показали наличия международно-правовых оснований признавать заявителя виновным в том, что он отдал членам своего партизанского отряда приказ убить шестерых мужчин и трех женщин, одна из которых была беременна (пункт 138 постановления).

9. Опровергая выводы латвийских судов о положении жителей деревни, большинство судей ссылается на следующее понимание Гаагской конвенции 1907 года и приложенного к ней Положения (*далее* — Гаагское положение). По мнению Европейского Суда, Гаагское положение не содержит определения понятий «гражданское лицо» и «гражданское население». Действовавшие в то время *jus in bello* не предусматривали, что человеку, который не относится к комбатантам, автоматически следует предоставлять гарантии, которыми пользуются гражданские лица (см. пункт 131 постановления).

10. Здесь можно говорить об ошибке в действовавшем в то время международном праве в области вооруженных конфликтов. Прежде всего, правовое регулирование вопросов защиты гражданского населения в то время действительно находилось на стадии зарождения, но оно все же существовало. Известно, что «главной особенностью права в области вооруженных конфликтов начиная с восемнадцатого века являлось проведение различия между комбатантами и гражданским населением»¹. Там, где текст Гаагского положения оказался недостаточно ясен для большинства судей, оно, сочтя ход рассуждений латвийских судов поверхностным, должно было испробовать любые другие способы, предусмотренные международным правом для определения сферы действия соответствующих

положений, чтобы проверить, не сделали ли суды государства-ответчика произвольных выводов. Это заставило бы Суд обратить внимание, помимо прочего, на Преамбулу к Гаагской конвенции 1907 года, содержащую так называемую оговорку Мартенса, которая предусматривает: «в намерения Высоких Договаривающихся Держав не могло входить, чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военначальствующих». Далее в Преамбуле поясняется: «[В] случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»².

11. Действительно, в компетенцию Европейского Суда не входит давать толкование Гаагских или Женевских конвенций (см. пункт 122 постановления). Для Европейского Суда по правам человека иные нормы и принципы международного права — это факты, которые он может принять во внимание при рассмотрении настоящего дела. Однако эти факты надлежит устанавливать тщательно, с учетом всех средств, которые предлагает международное право. Кроме того, Суд всегда следовал этой процедуре в делах, в которых важен контекст подлежащих применению международно-правовых норм³. Для целей настоящего дела имеют значение такие документы, как Кодекс Либера 1863 года⁴, Санкт-Петербургская декларация или Оксфордское руководство. Все они предусматривают принцип, согласно которому воюющие стороны не пользуются неограниченной свободой при выборе средств и методов ведения войны и не должны причинять страданий, не вызванных необходимостью. Ссылки на Кодекс Либера 1863 года содержатся в решении по вопросу о приемлемости настоящей жалобы, однако они были опущены в постановлении Суда по существу дела (см. решение Европейского Суда от 20 сентября 2007 г. по делу «Кононов против Латвии», жалоба № 36376/04, с. 23).

12. Мнение Европейского Суда о том, что жители деревни придерживались «пронацистских взглядов», не может само по себе лишить их защиты, которой пользуются гражданские лица согласно международному праву в области вооруженных конфликтов (см. пункт 130 постановления), тем более с учетом того, что в силу документально подтвержденных причин исторического характера они не испытывали особой симпатии к советским партизанам⁵. Если большинство судей хотело доказать, что эти шестеро мужчин и три женщины были не гражданскими лицами, а комбатантами и в этом качестве принимали непосредственное участие

¹ См.: Ch. Greenwood. The law of war (International Humanitarian Law), in M. D. Evans, International Law. Oxford: University Press, 2003, p. 794 [Ч. Гринвуд. Право войны (международное гуманитарное право). Глава в книге: М.Д. Эванс. Международное право. Оксфорд: издательство «Юниверсити пресс», 2003. С. 794]. Согласно комментарию Международного Комитета Красного Креста, «принцип проведения различия между гражданским населением и комбатантами впервые был предусмотрен Санкт-Петербургской декларацией». См. книгу: J.-M. Henckaerts & L. Doswald-Beck. Customary International Humanitarian Law. Volume I: Rules, Cambridge: University Press, 2005, p. 3 [Дж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Том I: правила. Кембридж: издательство «Юниверсити пресс», 2005. С. 3].

² По мнению Международного Суда ООН, «современная версия» оговорки Мартенса содержится в пункте 2 статьи 1 Дополнительного протокола I 1977 года, и его «непрерывное существование и применимость не должны ставиться под сомнение». См. консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о законности угрозы использования ядерного оружия или его применения. Сборник решений Международного Суда ООН [ICJ Reports] за 1996 год, 257, 260.

³ См., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Йоргич против Германии», § 40—47, в котором содержится множество ссылок на научные работы и иные схожие источники.

⁴ Кодекс Либера — проект законов войны в виде сборника норм, опубликованный Соединенными Штатами Америки во время Гражданской войны в качестве руководства для армии (*примечание редакции*).

⁵ Известный историк, Норман Дэвис, описывает Вторую мировую войну в странах Прибалтики следующим образом: «Жителям западных стран это сложно понять, но с точки зрения Таллина, Риги или Вильнюса растущая вероятность наступления фашистов казалась благословенным освобождением от Освобождения. <...> В странах Прибалтики, в Белоруссии и на Украине их приветствовали как освободителей. Немецких солдат жители местных деревень встречали, по традиции, хлебом—солью. <...> У <...> Европы, которую оккупировали сначала Советы, а потом фашисты, по большей части не было выбора. Оба тоталитарных режима хотели добиться послушания, проводя открытый террор. С точки зрения гражданского обывателя, перспектива служить Советам ставила те же моральные дилеммы, что и перспектива служить фашистам. Единственным способом остаться верным своим принципам для патриотов и демократов было самоубийство или попытка противостоять Гитлеру и Сталину одновременно». См. книгу: N. Davis. Europe: A History. Oxford: Oxford University Press, 1996, p. 1033 [Н. Дэвис. Европа: история. Оксфорд: издательство «Юниверсити пресс», 1996. С. 1033]. Что касается характера советского режима, то можно привести такой факт: «Всего лишь за одну ночь — на 14 июня 1941 г. — из Латвии в ГУЛАГ было выслано более 15 тысяч человек. За первый год советской оккупации от ссылки, погромов и необъяснимых исчезновений общая численность населения сократилась, по разным оценкам, на 35 тысяч человек». См. книгу: R.J. Misiunas and R. Taagepera. The Baltic States: Years of dependence, 1940—1980. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1983, p. 41 [Р.Ж. Мисюнас, Р. Таагепера. Прибалтийские государства: годы зависимости, 1940—1980. Беркли, Лос-Анджелес: издательство «Университи оф Калифорния пресс», 1983. С. 41].

в боевых действиях (можно называть это коллаборационизмом или как-то по-другому), оно должно было, по крайней мере, рассмотреть четыре признака комбатантов, отличающих их от некомбатантов, которые установлены статьей 1 Гаагского положения, а именно: «1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны»¹. При применении этого подхода Суд испытывает следующие основные трудности. Во-первых, он не вправе добавлять новые критерии к уже имеющимся нормам или подменять общепринятое в международном праве понимание соответствующих терминов своим собственным их пониманием в целях отнесения тех или иных лиц к комбатантам. Во-вторых, он не может пересматривать все доказательства по делу, включая показания жертв этого преступления (см. пункт 36 постановления).

13. В конечном итоге сфера применения принципа предсказуемости, который решило использовать большинство судей, остается неясной. Недавно в деле Василевича Международный трибунал по бывшей Югославии, сославшись на приговоры Нюрнбергского трибунала, заявил: «Для наступления уголовной ответственности недостаточно, однако, установить, что действие, о котором идет речь, было незаконно с точки зрения международного права, в том смысле, что оно может повлечь за собой ответственность государства, нарушившего этот запрет <...> Судебная палата должна убедиться, что преступление, в совершении которого обвиняется подсудимый, достаточно четко определено в международном обычном праве, так, чтобы его общий характер, уголовная наказуемость и ориентировочная степень тяжести были в достаточной степени предсказуемы и доступны. Производя эту оценку, Судебная палата принимает во внимание специфику международного права, в частности, международного обычного права. Требование, согласно которому состав преступления должен быть определен с достаточной четкостью, фактически является частью требования *nullum crimen sine lege*². В этом контексте оно и должно оцениваться»³. В деле «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы № 34044/96, № 35532/97 и № 44801/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II) Европейский Суд, которого интересовало прежде всего то, как суды Германии применяли национальное уголовное законодательство, пришел, в частности, к следующему выводу: «Суд полагает, что действия заявителей на момент их совершения также являлись преступлениями, определенными с достаточной степенью доступности и предсказуемости нормами международного права в области прав человека» (§ 105). Мы остаемся при мнении, что, принимая во внимание все имеющиеся отношение к делу нормативные положения действовавшего в то время международного права, можно сказать, что убийство гражданских лиц неприятельской нации, не вызванное очевидной военной необходимостью, представляет собой военное преступление и что «сущность данного преступления» была определена нормами международного права с достаточной степенью доступности и предсказуемости (см. также постановление Европейского Суда по делу «Йоргич против

Германии» [*Jorgic v. Germany*], жалоба № 74613/01, § 114, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 — ... (извлечения)). Как и Палата Суда, мы согласны с тем, что заявитель, будучи военным командиром, должен был знать соответствующие законы войны (см. пункт 124 постановления).

14. Когда речь идет об умысле на совершение преступления, применяется следующий критерий: «Субъективную сторону преступления нельзя отрицать, если незаконность военного преступления очевидна для разумного человека. Когда какое-то действие объективно по своему характеру является преступлением, обвиняемый не может быть оправдан исключительно на основании того, что субъективно он, по его утверждению, был уверен в законности своих действий»⁴ или был убежден в том, что в силу проводимой государством политики он никогда не подвергнется уголовному преследованию⁵. Тем не менее компетенция Европейского Суда не настолько велика, чтобы позволить ему с необходимым уровнем детализации оценивать вопросы, касающиеся объективной и субъективной стороны преступления. Эти вопросы относятся к компетенции национальных судов или, в соответствующих случаях, международных уголовных трибуналов.

Поэтому, принимая во внимание все изложенные выше соображения, мы не уверены, что латвийские суды при вынесении заявителю обвинительного приговора вышли за рамки материально-правового определения понятия военного преступления в том виде, в котором оно существовало в 1944 году. Мы твердо убеждены, что латвийские суды находились в лучшем положении, нежели Европейский Суд, чтобы разрешить дело Кононова. Мы приходим к выводу, что по делу требования статьи 7 Конвенции нарушены не были.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЭВИДА ТОР БЬОРГВИНСОНА

В дополнение к совместному особому мнению я хотел бы обратить особое внимание на следующие моменты.

1. Ход рассуждений большинства судей основывается, по сути, на выводе, что жертвы бойни в деревне Малые Баты ввиду своих отношений с немецкими вооруженными силами не относились к гражданскому населению и не пользовались защитой соответствующих международно-правовых норм, устанавливающих допустимые средства и методы ведения войны. Это объясняет, почему большинство судей ограничились рассмотрением вопроса о предполагаемом нарушении требований пункта 1 статьи 7 Конвенции.

В связи с этим следует подчеркнуть: латвийские суды установили, что заявитель в качестве командира, сражавшегося в составе вооруженных сил Советского Союза, принимал участие в бойне в деревне Малые Баты 27 мая 1944 г. Кроме того, латвийские суды, проведя всестороннее и тщательное расследование, пришли к выводу, что убитые были гражданскими лицами и пользовались защитой соответствующих международно-правовых норм. Далее, они квалифицировали действия заявителя как военные преступления по подлежащим применению нормам международного и национального права. Европейский Суд не может опровергнуть этот вывод или выводы латвийских судов по поводу обстоятельств дела

¹ Помимо этого см., например, книгу: *J. Westlake. International Law. Part II. War. 2nd ed., Cambridge University Press, 1913, pp. 64—65 [Дж. Вестлейк. Международное право. Часть II. Война. 2-е издание, Оксфорд: издательство «Юниверсити пресс», 1913. С. 64—65].*

² *Nullum crimen sine lege* (лат.) — нет преступления без предусматривающего его закона (*примечание редакции*).

³ См. решение Судебной палаты от 29 ноября 2002 г. по делу «Прокурор против Митара Василевича» [*The Prosecutor v. Mitar Vasiljević*], § 199, 201.

⁴ См. книгу: *Y. Dinstein. The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict. Cambridge: University Press, 2004, p. 245 [Б. Динштейн. Ведение боевых действий в соответствии с правом международных вооруженных конфликтов. Оксфорд: издательство «Юниверсити пресс», 2004. С. 245].*

⁵ См. совпадающее мнение судьи Б.М. Зупанчича по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии».

и применимого законодательства. Когда большинство судей все-таки сделало это, оно вышло за рамки повторной юридической квалификации представленных Суду доказательств (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 марта 2001 г. по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 111). То, что на самом деле сделало большинство судей, следует, скорее, рассматривать как переоценку ключевых выводов латвийских судов по вопросам факта, а это идет вразрез с устоявшейся прецедентной практикой Суда, которая признаёт, что установление обстоятельств дела и толкование национального законодательства, в том числе законодательства, отсылающего к нормам международного права, является в первую очередь задачей национальных властей, в особенности судов.

2. Для того чтобы еще лучше понять положение жертв, полезно также поместить события, произошедшие в деревне Малье Баты 27 мая 1944 г., в более широкий исторический контекст.

Латвийская Республика была провозглашена в 1918 году. В 1940 году Советский Союз аннексировал Латвию. Как описано в пункте 9 постановления, в 1941 году Латвия была оккупирована Германией и еще раз Советским Союзом в конце Второй мировой войны. После распада Советского Союза Латвия вновь обрела независимость в 1991 году.

Другими словами, с 1940 года по 1991 год Латвия была жертвой враждебной оккупации иностранными державами. Когда происходили события, о которых идет речь в деле, два тоталитарных режима — в фашистской Германии и в Советском Союзе — боролись между собой за территорию Латвии, полностью игнорируя право латвийского народа на самоопределение, которое всегда было и остается его базовым законным требованием. Целью Советского Союза было не «освободить» Латвию от фашистской Германии и вновь предоставить ей статус независимого суверенного государства, а восстановить контроль над Латвией и сделать ее одной из советских социалистических республик. История учит нас, что такая ситуация упрощает условия войны, в которой обе державы склонны к тому, чтобы искать на оккупированной территории лиц, которые, возможно, сотрудничают с неприятелем, и использовать свои собственные критерии — военные, политические или какие-либо иные — для определения того, кого следует, а кого не следует считать коллаборационистом, в соответствии со своими собственными целями и интересами. Однако с точки зрения Латвии действия обеих держав имели в своей осно-

ве одинаково незаконную цель осуществлять контроль над ее территорией. Убийства в деревне Малье Баты происходили именно в этих условиях. Если рассматривать дело в этом историческом контексте, можно сказать, что в тех злодеяниях, которые испытали на себе гражданские жители Латвии, виновны подчиненные военного представителя Советского Союза; СССР был не освободителем Латвии, а враждебной оккупационной державой.

Будучи оккупированной Советским Союзом до 1991 года, Латвия не могла призвать советских военнослужащих к ответственности за их предполагаемые военные преступления против латышского народа времен Второй мировой войны вплоть до восстановления независимости Латвии в 1991 году.

Этот исторический контекст важен в настоящем деле по трем причинам. Во-первых, он объясняет нелегкий выбор, который должно было сделать большинство мирных жителей Латвии в своих отношениях с оккупационными силами. Во-вторых, он позволяет понять, почему я согласен с большинством судей в том, что, несмотря на доводы заявителя, его действия как советского военнослужащего не следует считать направленными против его собственного народа и, таким образом, не охватываемыми международно-правовыми нормами о допустимых средствах и методах ведения войны. В-третьих, он объясняет, почему заявителю лишь в 1998 году было предъявлено обвинение в совершении военных преступлений в связи с его ролью в событиях в деревне Малье Баты.

3. По делу не оспаривается, что пункт 2 статьи 7 Конвенции ссылается, помимо прочего, на военные преступления, как этот термин определен в международном праве. Подобно тому, как юридическое понятие «военное преступление» не придает значения тому, какое государство представляют предполагаемые преступники как военнослужащие, пункт 2 статьи 7 Конвенции также не делает этого различия. Квалификация того или иного деяния как военного преступления зависит от характера самого этого деяния и обстоятельств, в которых оно имело место, а не от того, какую страну представляет лицо, его совершившее.

4. Правосудие свершилось, так как заявитель предстал перед судом и был осужден за ту роль, которую он сыграл в событиях в деревне Малье Баты 27 мая 1944 г. Его приговорили к небольшому сроку лишения свободы — один год и восемь месяцев, приняв во внимание его преклонный возраст и немощность. Более важным представляется то, что на заявителя была возложена ответственность за совершённые им преступления.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»